

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПИРАМИДЫ

Pyramids

Плоский мир

Терри Пратчетт

Пирамиды

«ЭКСМО»

1989

Пратчетт Т.

Пирамиды / Т. Пратчетт — «Эксмо», 1989 — (Плоский мир)

ISBN 5-699-16835-4

Твой отец – фараон (вообще-то он хотел быть чайкой, но не в этом суть). А ты – сын фараона, отправленный учиться в знаменитый Анк-Морпорк. Но какая профессия больше всего подойдет будущему царю? Именно та, которая подразумевает тонкую работу с людьми, постоянное разрешение сложных вопросов и устранение ненужных проблем. То есть профессия наемного убийцы. Самый плоский мир во всей множественной Вселенной возвращается во всем великолепии (в комплект входят: слоны – четыре штуки, Великий А’Туин, вселенская черепаха, – одна штука, безумные обитатели Диска – численность постоянно растет).

ISBN 5-699-16835-4

© Пратчетт Т., 1989

© Эксмо, 1989

Содержание

Книга I	5
Книга II	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Терри Пратчетт

Пирамиды

Книга I

Книга Движения Вперед

Звезды усеяли беспросветную тьму – словно Создатель, разбив ветровое стекло своего автомобиля, не позаботился остановиться и убрать осколки.

Это – пропасть между вселенными, холодные расселины пространства, где не встретишь ничего, кроме шальной молекулы, заблудших комет и...

...Но кольцо тьмы потихоньку сдвигается, глаз вновь ощущает перспективу, и то, что раньше казалось внушающей благоговейный трепет звездной бездной, превращается в лежащий под покровом тьмы мир, а звезды – в огни того, что с большой натяжкой можно назвать цивилизацией.

Ибо неспешно скользящий куда-то вниз мир есть не что иное, как Диск, ровный, круглый, который плывет сквозь пространство на спинах четырех слонов, что стоят на панцире Великого А'Туина, единственной черепахи, фигурирующей в диаграмме Хертцшпрунга-Рассела, на панцире длиной в десять тысяч миль, запорошенном ледяным крошевом погибших комет и покрытом вмятинами от метеоритов. Никто не знает изначальной причины этого явления – быть может, потому, что причинам этим несть числа.

В мире, покоящемся на спине такой черепахи, может происходить много загадочного и странного.

Собственно, уже происходит.

Звезды внизу – это разведенные на привалах в пустыне костры и огоньки далеких деревень в покрытых лесом горах. Маленькие городки напоминают расплывчатые туманности, города побольше – обширные скопления звезд; огромный, раскинувшийся во все стороны двуетидный город Анк-Морпорк сияет ослепительно, подобно столпотворению галактик.

Вдалеке от крупных населенных центров, там, где волны Круглого моря избегают на берег пустыни, протянулась узкая полоса холодного синего огня. От языков пламени, что с ревом рвутся в небо, веет адской стужей. Призрачные огоньки вспыхивают то тут, то там в пустынных просторах.

В древней долине Джеля вспыхивают среди ночи могучие пирамиды.

Энергия, источаемая их остроконечными, уходящими в космос вершинами, в нижеследующих главах прольет свет на многие чудеса, а в частности: почему черепахи ненавидят философию, почему козам вредно чересчур увлекаться религией и чем на самом деле занимаются наложницы.

Кроме того, этот свет обязательно прояснит, что бы подумали наши предки, доживи они до сегодняшнего дня. Почему-то нас всегда волнуют наши предки. Пришлось бы им по вкусу современное общество? Изумились бы они сегодняшним достижениям? Но во всех этих вопросах отсутствует фундаментальность. «Почему здесь так темно?» – вот о чем в первую очередь подумали бы наши предки, доживи они до сегодняшнего дня.

Над прохладой речной долины забрезжила заря, и верховный жрец Диос открыл глаза. Многие ночи он провел бодрствуя, даже не мог вспомнить, когда спал в последний раз. Сон был слишком похож на то, иное состояние. Диосу было достаточно просто лежать – по крайней мере, лежать здесь. Яд усталости, подобно всему прочему, утратил свою силу. На какое-то время.

Впрочем, «какое-то время» все длилось и длилось.

Диос спустил ноги с плиты, служившей кроватью в его тесном обиталище. Почти машинально, следуя приказу рассудка, он правой рукой схватил обвитый двумя змеями посох – атрибут верховного жреца. Сделал на стене еще одну зарубку, затем облачился в свои одежды и побрел по коридору, меж тем как слова молитвы, обращенной к Новому Солнцу, сами собой складывались в уме. Ночь была позабыта, впереди его ждал долгий день. Предстояло дать людям немало заботливых советов и наставлений – для Диоса вся жизнь заключалась в служении.

Нельзя сказать, чтобы его спальня была самой необычной на свете. Самым необычным было то, что из нее навстречу заре выходил живой человек.

Солнце тяжело катилось по небосводу.

Люди постоянно ломают головы над тем, как и почему оно движется. Некоторые полагают, что светило катит перед собой огромный навозный жук. Конечно, этому объяснению не хватает технической точности и обоснованности, однако, как в дальнейшем покажут обстоятельства, в качестве гипотезы его принять можно.

Проделав свой путь без особых неприятностей¹, светило стало опускаться за горизонт, и один из его гаснущих лучей, проникнув в окно некоего дома в Анк-Морпорке, вспыхнул, отразившись в зеркале.

Зеркало было высокое, в человеческий рост. Все убийцы непременно обзаводятся такими, потому что нет более страшного оскорбления для человека, чем убить его, не будучи безукоризненно одетым.

Теппик окинул себя критическим взглядом. За экипировку пришлось выложить все до последнего пенни. Тяжелые складки черного шелка мягко шуршали при каждом движении. Красота!

По крайней мере, голова хоть не так болит, как утром. На протяжении всего дня каждое усилие давалось ему с невероятным трудом, и он боялся, что придется приступить к делу, а пурпурные точки будут все так же мелькать перед глазами.

Теппик со вздохом открыл черную шкатулку и, достав перстни, нанизал их на пальцы. В другом ларце хранился набор ножей с воронеными лезвиями из клатчской стали. Вытаскивая из бархатных мешочков сложные, хитроумные приспособления, Теппик рассовывал их по карманам. В специальные ножны в сапогах он вставил две метательные тлинги с длинными лезвиями. Опясался поверх кольчуги тонким шелковым шнуром, к которому был привязан абордажный крюк. Духовую трубку на кожаной перевязи он закинул за спину, под плащ, затем сунул в карман изящную латунную коробочку с набором всевозможных дротиков: острые концы прикрыты пробковыми колпачками, на рукоятках выгравированы специальные знаки, чтобы в темноте легко можно было найти нужный дротик.

Нахмурившись, Теппик проверил острие своей рапиры и перекинул ремень ножен через правое плечо: с левого свисал ягдташ с пращами и свинцовыми шариками. После некоторого раздумья он выдвинул ящик платяного шкафа и достал оттуда арбалет, фляжку с маслом, связку отмычек и, подумав еще чуть-чуть, добавил к арсеналу стилет, сумку с несколькими мотками колючей проволоки и медный кастет.

Проверил подкладку шляпы: там был спрятан моток провода. Лихо надвинув шляпу на лоб, Теппик последний раз удовлетворенно посмотрел на себя в зеркало и резко повернулся на каблуках.

¹ Таких, как быть закопанным в песок, куда потом откладывают яйца те самые навозные жуки.

Лето было в самом разгаре. Впрочем, в разгаре – это еще мягко сказано. В Анк-Морпорке пахло паленым.

Великая река превратилась в ручеек вулканической лавы, разделивший почтенный Анк и лежащий на противоположном берегу Морпорк. В отличие от Анка Морпорк считался местом крайне малопочтенным. Едва ли можно было добавить хоть еще одну ложку в эту бочку дегтя. Даже прямое попадание метеорита пошло бы Морпорку только на пользу.

Большая часть речного русла, выстланная засохшей, потрескавшейся грязью, напоминала пчелиные соты. Солнце казалось огромным медным гонгом, намертво приколотенным к небу. Неумолимый жар, иссушивший реку, раскалил город добела – согнул древние стропила зданий и обратил привычную жидкую грязь улиц в летучие вихри охристой пыли.

Анк-Морпорку такая погода совершенно несвойственна. По природе своей это город туманов и моросящих дождей, вечно скользящих и простуженных прохожих. Теперь же, раскинувшись посреди выжженной, испепеленной равнины, он походил на одышливую жабу, взгрозившуюся на раскаленный кирпич. И даже сейчас, когда время близилось к полуночи, удушливый жар не спадал, окутывая улицы горячим бархатным ворсом, сжигая бездыханный воздух.

Издалека, оттуда, где высился северный фасад Гильдии Убийц, донесся легкий щелчок – словно распахнулась оконная рама.

Итак, вот она.

Вот она – та самая ночь.

Если на экзамене попадешь к старику Мерисету, говорили все, шансов у тебя один против ста – можешь сразу делать себе хакарири.

В спальнях не стихали слухи о Мерисете – о числе совершенных им убийств, о поразительных технических приемах... В свое время он побил все рекорды. Поговаривали даже, что это он убил патриция Анк-Морпорка. Нет, не нынешнего. Одного из покойных.

По четвергам Мерисет вел у Теппики теорию стратегии и ядов, и отношения ученика и преподавателя, мягко говоря, не сложились.

Но экзаменатором мог оказаться и Найвор – жизнерадостный толстяк, любитель поесть, читавший, тоже по четвергам, искусство расставления ловушек и капканов. По части ловушек Теппик был большой мастер, и с Найвором они ладили. Или это мог быть Грав де Йойо, который преподавал современные языки и музыку. Ни в одном из этих предметов Теппик не блистал, но Грав был тонким педагогом, зодчим человеческих душ и симпатизировал юношам, разделяющим его страсть – часами висеть над городскими улицами, уцепившись одной рукой за карниз.

Теппик перекинул ногу через подоконник, отмотал кусок бечевы с крюком на конце и, зацепившись за водосток двумя этажами выше, скользнул вниз.

Ни один уважающий себя убийца ни за что на свете не воспользуется лифтом.

Дабы рассказ наш не утратил связности, пора упомянуть, что в этот же самый момент величайший математик за всю историю Плоского мира безмятежно возлежал за ужином.

Небезынтересно также отметить, что, благодаря неким особым личностным качествам, математик за ужином ел то, что подавалось к обеду.

Звуки гонгов, разнесшиеся над неуклюжей громадой Анк-Морпорка, возвестили полночь. Теппик карабкался вдоль украшенного резьбой парапета, что на четвертом этаже одного из зданий по Филигранной улице, и сердце его гулко билось в груди.

Неподалеку, в последних отблесках заката, он различил четкие очертания человеческой фигуры. Притаившись за самой омерзительной на вид горгульей, украшающей водосток, Теппик задумался.

Авторитетные слухи, ходившие по классу, утверждали, что если он устроит погребение экзаменатору до испытания, то экзамен будет зачтен автоматически. Теппик вытащил метательный нож номер три и задумчиво взвесил его на ладони. Разумеется, неудачное покушение, любой неверный ход незамедлительно обернутся провалом и полной утратой привилегий².

Фигура в отдалении не шевелилась. Взгляд Теппика скользил по бесконечным дымовым и вентиляторным трубам, горгульям на водостоках, висячим мостикам и лестницам, составляющим декорации верхней сцены города.

«Ну конечно, – подумал Теппик. – Наверняка это уловка, манекен. Провокация, чтобы я напал, а значит, Мерисет притаился где-то рядом.

Неужели мне удастся перехитрить его? Маловероятно.

С другой стороны, может, он и рассчитывает на то, что я решу, будто это манекен? Если, конечно, и этот ход им не просчитан...»

Теппик заметил, что непроизвольно барабанит пальцами по макушке горгульи, и мгновенно внутренне собрался. Какие действия логичнее всего предпринять в данном положении?

Далеко внизу в пятне фонарного света мелькнула какая-то загулявшая компания.

Теппик вложил оружие в ножны и выпрямился.

– Сэр, – сказал он, – студент явился для прохождения экзамена.

– Отлично, – довольно невнятно произнес бесстрастный голос.

Теппик устремил взгляд вперед. Смахивая пыль с впалых щек, перед ним возник Мерисет. Вынув изо рта кусок трубы, он отшвырнул его в сторону и достал из-за пазухи небольшую дощечку. Даже в такую жару он был укутан с ног до головы. Мерисет относился к числу людей, способных замерзнуть в кратере вулкана.

– Так-так, – произнес он голосом, в котором звучало нескрываемое неодобрение. – Неплохо, господин Теппик, неплохо.

– Чудесная ночь, сэр, – сказал Теппик.

Экзаменатор холодно взглянул на него, давая понять, что следующее замечание насчет погоды неминуемо обойдется в минус балл, и что-то отметил на доске.

– Для начала – несколько вопросов.

– Как вам угодно, сэр.

– Чему равна максимальная длина метательного ножа? – прокрипел Мерисет.

Теппик закрыл глаза. Всю последнюю неделю он читал исключительно «Основы ножеметания» и теперь испытывал танталовы муки: страница, смутная и недостижимая, плавала где-то рядом – преподаватели никогда не спрашивают про длину и вес ножей, со знающим видом утверждали студенты постарше, они думают, что длину, вес и траекторию ты знаешь наизусть, а потому никогда...

Панический ужас раскалил мозговые извилины и заставил шестеренки памяти крутиться с бешеной скоростью. Наконец страница попала в фокус.

– Максимальная длина метательного ножа может равняться десяти пальцам при нормальной и двенадцати при повышенной влажности, – без запинки отчеканил он. – Расстояние, на которое производится метание...

– Назовите три яда, которые применяются путем внутриушного вливания.

Подул ветерок, но прохладнее не стало, жар всколыхнулся и вновь неподвижно застыл.

– М-м... Осинный воск, сэр, ахорийский пурпур и мастика, сэр, – отбарабанил Теппик.

– А как же спайм? – прошипел Мерисет, словно змея, готовая к броску.

Теппик застыл, раскрыв рот. Несколько мгновений он лихорадочно пытался вспомнить ответ, одновременно стараясь избежать буравящего взгляда мучителя.

² И прежде всего – привилегии дышать.

– Н-но... спайм – это не яд, сэр, – наконец выдавил он. – Это крайне редкое противоядие против яда некоторых змей, которое добывается... – Он перевел дыхание и продолжил несколько более уверенно (не зря же он корпел все эти дни над старыми словарями): – ...Которое добывается из печени мангусты, обитающей...

– Что означает этот знак? – перебил Мерисет.

– ...Обитающей... – растягивая слоги, повторил Теппик.

Он мельком взглянул на замысловатую руну, которая изображалась на карточке в руке Мерисета, затем вновь устремил взгляд вперед, за спину экзаменатора.

– Не имею ни малейшего представления, сэр, – сказал он, краешком уха уловив чуть слышное довольное ворчание. – Однако, сэр, если ее перевернуть, – продолжал он, – то получится воровской знак, предупреждающий о том, что в доме злая собака.

На миг воцарилась абсолютная тишина. Затем, где-то в районе его плеча, вновь раздался голос старого убийцы:

– Каким категориям разрешено пользоваться удавкой?

– Но, сэр, по правилам положено только три вопроса, – запротестовал Теппик.

– Это можно считать вашим ответом?

– Нет, нет, сэр. Просто так, мысли вслух. Сэр, ответ, которого вы ждете, таков: носить при себе удавку могут все, но только убийцам третьего разряда позволено использовать ее как одно из трех возможных решений.

– Вы уверены?

– Да, сэр.

– Подумайте хорошенько, – голос экзаменатора стал таким масляным, что, казалось, им можно смазать целый железнодорожный состав.

– Мой ответ правильный, сэр.

– Что ж, прекрасно...

Теппик облегченно вздохнул. Холодная, мокрая рубашка неприятно липла к спине.

– Теперь отправляйтесь на Счетоводную улицу, – произнес Мерисет ровным голосом, – следуя всем знакам и прочему. Я буду ждать вас в комнате под башней на перекрестке с Аудиторской аллеей. И еще... сообразованно взять вот это.

Он протянул Теппику небольшой конверт.

Теппик, в свою очередь, вручил ему расписку. Отступив в густую тень, которую отбрасывала дымовая труба, Мерисет бесследно растворился.

Итак, церемония завершилась.

Теппик несколько раз глубоко вздохнул и извлек содержимое конверта. Вексель Гильдии на десять тысяч анк-морпоркских долларов, выписанный на предъявителя. Внушительного вида бумага, украшенная печатью Гильдии – двойным крестом и кинжалом на фоне плаща.

Теперь пути назад нет. Он взял деньги. Либо он останется в живых и позднее, как предписывает традиция, передаст их в дар благотворительному фонду Гильдии, оказывающему покровительство вдовам и сиротам, либо их обнаружат на его бездыханном теле. Чек выглядел несколько потрепанным, однако следов крови на нем Теппик не разглядел.

Проверив ножи и поправив перевязь рапиры, он оглянулся по сторонам и неторопливым прогулочным шагом двинулся в указанном направлении.

Студенческая молва гласила, что во время экзамена используются не более полудюжины маршрутов, и в летние ночи то тут, то там можно было видеть студентов, карабкающихся по скатам крыш, карнизам и городским башням. Домолазание по праву считалось крайне профессиональным и рискованным видом спорта, однако это была одна из немногих дисциплин, в которых Теппик чувствовал себя вполне уверенно – он был капитаном команды, одержавшей верх над «Скорпионами» в финале Настенных игр. А уж этот маршрут был едва ли не самым простым. Хоть здесь чуточку повезло.

Одним легким прыжком Теппик перелетел на самый край крыши, пробежал над спящим зданием, перепрыгнув узкий пролет, приземлился на черепичной крыше спортивного зала, принадлежащего Молодежной Ассоциации Реформистов – Поклонников Ихор-Бел-Шамгарота, мягко съехал по серому скату, не сбиваясь с темпа, вскарабкался по двенадцатифутовой стене и перемахнул на широкую, плоскую крышу Храма Слепого Ио.

Взошла полная, оранжевая, как апельсин, луна. Наверху дул ветерок, легкий, но освежающий после уличного пекла не хуже холодного душа. Теппик ускорил шаг, наслаждаясь веющей в лицо прохладой, и спрыгнул с крыши точнехонько на узкий дощатый мост, ведущий через аллею Латунных Шлемов.

На мост, который некто, вопреки всякой вероятности, умудрился разобрать.

В такие минуты вся жизнь успевает промелькнуть перед глазами...

Тетушка рыдала – несколько театрально, как отметил про себя Теппик, – поскольку в целом старая леди была не чувствительнее гиппопотама. Отец держался с суровым достоинством, хотя перед его внутренним взором продолжали стоять влекущие образы скал и бющейся в клюве рыбы. Слуги выстроились двумя шеренгами по всей длине залы до самой главной лестницы: служанки по одну сторону, евнухи и дворецкие – по другую. Когда он проходил мимо, женщины приседали в реверансе, образуя плавную синусоиду, красоту которой мог по достоинству оценить только величайший математик Плоского мира, если бы в данный момент его не лупил розгами маленький человечек, одетый в нечто наподобие ночной рубахи.

– Однако, – тетушка громко высморкалась, – это какое-никакое, а все же ремесло.

Отец ласково погладил ее руку.

– Не плачь, цвет пустыни, – сказал он, – это не самая плохая профессия.

– Ну да... – всхлипнула сестра.

Старик тяжело вздохнул:

– Деньги приличные... Кроме того, мальчику будет полезно повидать мир, получше узнать людей – пусть пооботрется, ну и, наконец, он постоянно будет при деле, а это убережет его от ненужных ошибок.

– Но... убийство... ведь он еще так молод, и у него никогда не было ни малейшей склонности...

Она снова поднесла платок к глазам.

– Это не по нашей линии, – добавила она осуждающе. – Все твой шурин...

– А, дядя Вирт...

– Подумать только – разъезжать по миру и убивать людей!

– Полагаю, это слово в их среде не употребляется, – сказал отец. – Скорей всего, используются другие, скажем, «прикончить» или «ликвидировать». Или «предать земле», «устроить погребение», кажется, так.

– Предать земле?

– Именно. Или сначала воде. А уж затем – земле.

– Ужасно! – неодобрительно фыркнула тетушка. – Впрочем, я слышала от леди Нуни, что только один мальчик из пятнадцати выдерживает выпускной экзамен. Может, лучше, чтобы его отчислили?

Царь Теппицимон XXVII мрачно кивнул и отправился самолично попрощаться с сыном. Он не разделял мнение сестры о том, что убийство – такое уж неприятное занятие. На протяжении долгих лет он с большой неохотой занимался политикой и всегда считал, что, возможно, убийство в чем-то хуже парламентских дебатов, но наверняка лучше войны. Хотя некоторые склонны были думать, что это одно и то же с той лишь разницей, что война – несколько более шумное дело. Кроме того, он прекрасно помнил, что в молодости у Вирта всегда было полно

денег и он никогда не возвращался во дворец без дорогих подарков, экзотического загара и волнующих рассказов об интересных людях, с которыми ему удалось свести на чужбине пусть мимолетное, но столь захватывающее знакомство...

Да, жаль, что Вирта нет рядом, – он мог бы дать полезный совет... Его величеству тоже приходилось слышать, что только один студент из пятнадцати действительно становится убийцей. Что происходит с остальными четырнадцатью кандидатами, царь не знал, но был совершенно уверен, что если в школу для убийц попадает студент из бедной семьи, то ему достаются не только безвредные мелки в спину, и школьные ужины для такого паренька обретают еще одно измерение – измерение неуверенности в том, что ты поглощаешь.

Однако все без исключения признавали, что школа убийц дает лучшее, самое разностороннее образование в мире. Высококвалифицированный убийца чувствует себя как дома в любой компании и умеет играть по крайней мере на одном музыкальном инструменте. Всякий погребенный кем-либо из воспитанников Гильдии мог вкушать вечный покой в полной уверенности, что пал от руки приличного человека с хорошим вкусом.

Да и в конце концов – что ожидает мальчика, останься он дома? Царство шириной в две и длиной в полтора миль, почти полностью уходящее под воду в период дождей, – царство, которому отовсюду грозят более сильные соседи, терпящие его существование лишь постольку, поскольку постоянно воюют с кем-нибудь, включая того же Теппицимона...

О, куда ушли те времена, когда Джелибейби³ действительно было велико, когда выскочки вроде Цорта и Эфеба были всего-навсего презренной кучкой кочевников, обмотавших себе голову полотенцами! Все, что осталось от тех великих незабвенных дней, – дворец, содержание которого в конце концов его разорит, несколько занесенных песком руин в пустыне и – тут фараон глубоко вздохнул – пирамиды. Вечно эти пирамиды.

Предки истово им поклонялись. Фараон, увы, нет. Пирамиды привели страну к банкротству, иссушили, как реку. И потомки могли с полным правом и от всего сердца послать эти пирамиды подальше.

В приятное расположение духа Теппицимона приводили только маленькие пирамидки, воздвигавшиеся в дальнем конце сада всякий раз после кончины очередной кошки.

Он обещал это жене.

И вообще – фараон тосковал по Артеле. Весть о том, что он собирается взять жену не из местных, вызвала страшный шум, и действительно, чужеземные привычки Артелы иногда приводили в недоумение и забавляли даже его самого. Быть может, именно из-за нее он проникся этой странной нелюбовью к пирамидам – хотя в Джелибейби это было все равно что невзлюбить самый воздух, которым ты дышишь. Но он дал слово, что Теппик будет воспитываться за границей. Артеле на этом особенно настаивала. «Здесь человек никогда ничему не научится, – любила повторять она. – Здесь умеют только чтить память».

Ах, ну почему она позабыла его наказ – никогда не купаться в реке!..

Царь взглянул на двух слуг, грузивших сундук с вещами Теппика на повозку, и первый раз за всю свою жизнь по-отечески положил руку на плечо сына.

На самом деле он абсолютно не знал, что сказать. «Мы так и не успели получше узнать друг друга, – подумал он. – А ведь я столько мог его научить. Пожалуй, пара хороших пороков была бы не лишней».

– М-м, – начал он. – Итак, мой мальчик...

– Да, папа, – откликнулся Теппик.

– Это, ну, сегодня ты первый раз самостоятельно едешь куда-то...

– Нет, папа. Прошлой летом я провел вместе с господином Фемптахеном. Помнишь?

– Разве?

³ Дословно: «Дитя Джеля».

Фараону припомнилось, что во дворце и вправду на какое-то время стало тише. Надо приказать выткать этот сюжет на новых коврах.

– Все равно, – сказал он, – ты уже почти юноша, тебе скоро тринадцать и...

– Двенадцать, – терпеливо поправил Теппик.

– Ты уверен?

– Месяц назад отмечали мой день рождения, папа. Ты еще подарил мне сковородку.

– Правда? Как странно. И что я при этом сказал?

– Ничего, папа, – ответил Теппик, глядя на добродушное, озадаченное лицо отца. – Сковородка была просто замечательная. Она мне страшно понравилась, – заверил он.

– Ах так. Ну что ж, хорошо...

Его величество вновь коснулся сыновнего плеча, задумчиво, как человек, барабанивший пальцами по столу в надежде поймать ускользающую мысль. Наконец его как будто осенило.

Слуги привязали сундук, возница терпеливо держал распахнутую дверцу.

– Когда молодой человек отправляется в мир, – начал его величество довольно неуверенным тоном, – крайне важно, чтобы он не забывал... Дело в том, что мир велик, и в нем множество... И уж конечно, в большом городе, где помимо прочего...

Он умолк, сделав рукой неопределенный жест.

Теппик ласково поглядел на отца.

– Хорошо, хорошо, папа, – сказал он. – Верховный жрец Диос объяснил мне, что главное – не забывать регулярно принимать ванну и смотреть, куда идешь.

Теппицимон, прищурившись, посмотрел на сына:

– Надеюсь, у тебя со зрением все в порядке?

– В полном порядке, папа.

– Что же, прекрасно, – сказал царь. – Прекрасно, прекрасно. Искренне рад.

– Наверное, мне пора ехать, папа. Иначе я пропущу прилив.

Его величество кивнул и порылся в карманах.

– Тут у меня было кое-что, – пробормотал он, вывернул карман наизнанку, и в ладони у Теппика оказался маленький кожаный мешочек.

Теппик опустил подарок в карман. Его величество уже привычным жестом потрепал сына по плечу.

– Это тебе на дорогу. – Он понизил голос: – Только тетушке не говори. Впрочем, она уже отправилась отдыхать. Переживания подточили ее силы.

Теперь Теппику оставалось только принести в жертву цыпленка у подножия статуи Куфта, основателя Джелибейби, дабы мудрая рука предка направляла его стопы в этом мире. И хотя это был всего лишь маленький, тощий цыпленок, когда Куфт вполне насытился им, цыпленка подали царю к обеду.

На самом деле Джелибейби было небольшим царством, целиком погруженным в свои интересы. Даже обрушивавшиеся на него бедствия были какими-то ненастоящими. Любое мало-мальски уважающее себя речное королевство постоянно страдает от страшных, сверхъестественных бедствий, тогда как Древнее Царство Джелибейби за последнюю сотню лет удостоилось лишь Нашествия Жабы⁴.

Тем же вечером, когда корабль был уже далеко от дельты Джеля и держал курс через Круглое море на Анк-Морпюрк, Теппик вспомнил о мешочке и решил исследовать его содержимое. С чисто отеческой любовью, но не чураясь при этом практических соображений, его величество благословил сына в долгий путь винной пробкой, жестяной с супом из седла

⁴ Хотя жаба действительно была большая. Прячась в воздуховодах, она целую неделю не давала людям спать.

барашка, бронзовой монеткой неопределенного достоинства и банкой сардин, которые годились Теппику в дедушки.

Хорошо известно, что, когда человек лицом к лицу сталкивается со смертью, чувства его моментально обостряются до чрезвычайности. Всегда считалось, что это помогает человеку найти нетривиальный выход из затруднительной ситуации.

Это не так. Данное явление – классический пример эмоционального замещения. Чувства сосредоточиваются на чем угодно, кроме самой проблемы (в случае Теппика проблема представляла собой широкое, вымощенное булыжником пространство, протянувшееся примерно восьмьюдесятью футами ниже), в надежде, что трудности разрешатся сами собой.

Беда в том, что порой они разрешаются не лучшим для вас образом.

Как бы там ни было, Теппик вдруг со страшной отчетливостью и остротой ощутил окружающий мир. Лунный свет, сияющий на коньках крыш... Запах горячего хлеба, доносящийся из расположенной неподалеку пекарни... Жук, с мягким гудением пронесшийся куда-то вверх... Далекий детский плач и лай собаки. Нежно скользящий, почти неосязаемый воздух и абсолютное отсутствие какой-либо опоры под ногами...

В тот год поступающих в Гильдию набралось больше семидесяти. Будущим убийцам предстоял сравнительно легкий вступительный экзамен; поступить в школу несложно, несложно и закончить ее (весь фокус заключается в том, чтобы не выйти из нее ногами вперед). Мальчишек, заполнивших двор Гильдии, роднили между собой по крайней мере две общие черты: у каждого был большой, намного больше его самого, сундук и на каждом неуклюже сидел большой, намного больше его самого, приобретенный на вырост костюм. Некоторые горячие головы даже прихватили с собой оружие, которое, впрочем, было конфисковано и отправлено домой в течение ближайших недель.

Теппик внимательно разглядывал толпу. Бесспорно, он обладал явным преимуществом – единственный ребенок родителей, слишком занятых собственными делами, чтобы чересчур опекать его или хотя бы время от времени вспоминать о его существовании.

Мать Теппика была приятной в обращении дамой, сосредоточенной на себе, как гироскоп. А еще она любила кошек. Не только поклонялась им, как и всякий житель царства, но искренне любила их. Теппик знал, что в речных царствах с симпатией относятся к кошкам, но, согласно его понятиям, животные эти должны напоминать скорее грациозные статуэтки, тогда как кошки матери были маленькими, брызжущими слюной, плоскомордыми желтоглазыми фуриями.

Отец Теппика уделял много времени государственным заботам и периодически объявлял себя чайкой. Возможно, это происходило по причине общей рассеянности монарха. Теппик не раз ломал голову над тем, как родители вообще умудрились его зачать, ведь они буквально никогда не совпадали по фазе – в смысле взаимоотношений, не говоря уж о настроении.

Однако что было, то было – таковое явно имело место. Ну а после рождения Теппику предоставили воспитываться самому методом проб и ошибок, с помощью ненавязчивых увещаний и периодических подбадриваний сменявших друг друга наставников. Отец нанимал ему лучших учителей, и однажды – славное то было время – целую зиму в наставниках у Теппика пробыл преклонных лет браконьер, охотник на ибисов, который на самом деле забрел в царский сад в поисках случайно залетевшей туда стрелы.

Теппику вспомнились шумные охоты в сопровождении гвардии, прогулки при лунном свете по мертвым аллеям некрополя, но лучше всего были поездки на шаланде-пиле – хитроумном, устрашающего вида сооружении, способном, не без риска для рулевых, превратить кишасшую невинными утками заводь в море плавающего паштета.

Наведывался он и в библиотеку, к запертым полкам – браконьер обладал еще несколькими навыками, обеспечивавшими ему неплохой заработок в ненастную погоду, – и часами предавался безмятежному чтению. В особенности Теппику нравилось сочинение, озаглавленное «Сквозь дворцовые ставни», – раритетное издание, перевод с халийского г-на Х., с раскрашенными от руки иллюстрациями для особых любителей. Это было местами смущавшее Теппика, но крайне назидательное чтение, так что, когда томный юный наставник, присланный жрецами, предложил принцу познакомиться с некоторыми «борцовскими» приемами, пользовавшимися особой любовью у классических псевдополитанцев, Теппик, подумав над предложением, хорошенько огрел пылкого юношу шляпной вешалкой.

Образованием Теппика никто специально не занимался. Оно снизошло на него само собой, подобно тому как образуется перхоть.

В мире, окружающем мир его мыслей, пошел дождь. Еще одно новое впечатление. Теппик, разумеется, слышал о дожде, о том, как вода падает с неба маленькими капельками. Он просто не ожидал, что воды будет так много. В Джелибейби никогда не шел дождь.

Учителя сновали в толпе мальчиков, похожие на вымокших, слегка потрепанных дроздов, но Теппик смотрел не на них – его взгляд замороженно следил за группой старших студентов, которые, приняв небрежные позы, стояли возле украшенного колоннами входа в школу. Они, как и учителя, были с ног до головы в традиционных цветах – их платья переливались всеми восемью оттенками черного.

То были цвета с примесью серого, цвета, лежащие по ту сторону черноты, цвета, которые можно получить, если расщепить беспримесный черный в восьмигранной призме. Людям, лишенным чувства волшебного, описать эти цвета практически невозможно, но если уж и попытаться, то сначала нужно предложить слушателю покурить чего-нибудь запретного или взглянуть на крыло вороны.

Критическим оком старшеклассники разглядывали новоприбывших.

Теппик следил за ними не отрывая глаз. Костюмы их были скроены по последней моде, которая отдавала предпочтение приталенным камзолам с накладными плечами и остроносым башмакам. В целом, модники слегка смахивали на длинные разодетые гвозди.

«Я стану таким же, как они», – подумал Теппик.

И добавил: «Разве что оденусь получше».

Ему припомнился дядюшка Вирт, сидящий на ступенях дворца и задумчиво оглядывающий Джель. «О сатине и коже забудь, – говорил он. – И о всяких дорогах побрякушках тоже. На тебе не должно быть ничего яркого, ничего, что могло бы скрипнуть или звякнуть. Лучше всего плотный шелк или бархат. В конечном счете неважно, в скольких погребениях ты будешь участвовать. Важно, чтобы никто из потенциальных погребенных не поучаствовал в твоём».

Теппик двигался слишком быстро и необдуманно. Это его чуть не погубило, но это же помогло ему. Уже летя над безлюдной аллеей, он автоматически извернулся в воздухе, выбросил руки вперед и кончиками пальцев зацепился за выступ здания. Затормозив падение, он вонзил ногти в осыпающуюся кирпичную кладку и заскользил по отвесной стене вниз...

– Эй, паренек!

Теппик оглянулся. Рядом с ним стоял взрослый убийца с пурпурной учительской лентой через плечо. Первый убийца, которого ему довелось увидеть вблизи, не считая Вирта. Внешность у учителя была достаточно располагающая. Его легко можно было принять за доброго колбасника.

– Это ты мне? – спросил Теппик.

– Когда разговариваешь с учителем, надо вставать, – намекнул розоволицый.

– Что? – изумленно переспросил Теппик.

Нельзя сказать, что до сих пор дисциплина в его жизни играла важную роль. Большинство наставников бывали настолько обескуражены при виде фараона-чайки, усевшегося, подобно птице, на дверном косяке, что опрометью пробегали очередную тему и поспешно запирались в своих комнатах.

– Что, сэр, – назидательно произнес учитель.

Потом сверился с листком, который держал в руках.

– Как тебя зовут, мальчик?

– Принц Птеппик из Древнего Царства – Царства Солнца, – беззаботно ответил Теппик. – Я понимаю, ты несведущ в этикете, но вовсе необязательно называть меня «сэр». При обращении ко мне можно просто опуститься на колени и коснуться лбом земли.

– Как ты сказал – Патеппик? – переспросил учитель.

– Птеппик.

– Ах, Теппик, – сказал учитель и поставил в списке галочку против одного из имен. Потом одарил Теппика широкой, великодушной улыбкой.

– Итак, ваше величество, – продолжал он, – меня зовут Грюнверт Найвор, и я – заведующий твоим отделением. Оно называется Змеиным. Насколько мне известно, на всем Диске существует по меньшей мере одиннадцать Царств Солнца, и к концу недели ты представишь мне краткий отчет о географическом местоположении каждого, политическом устройстве, столице или городе, в котором живет правительство, а также маршрут, ведущий в спальню одного из глав государств, по твоему усмотрению. И учти, что во всем мире только одно Змеиное отделение. Всего доброго, мальчик.

Он отвернулся и заботливо обратился к другому, съезжившемуся от холода и непривычки ученику.

– Он мужик ничего, – произнес кто-то за спиной у Теппика. – В библиотеке полно его книг. Я тебе покажу, если хочешь. Меня зовут Чиддер.

Теппик обернулся. Перед ним предстал мальчик примерно одних с ним лет и роста, в черном костюме – просто черном, для первогодков, – выглядевшем так, словно ткань по кусочкам нанизывали на тощего, как гвоздь, Чиддера. Мальчик протянул руку. Теппик ответил ему учтивым взглядом:

– Да?

– Тебя-то как зовут, парень?

Теппик привстал. Подобное обращение начинало выводить его из себя.

– Парень? Видно, придется показать тебе, что в моих жилах течет кровь фараонов!

Собеседник смотрел на него, ничуть не смущаясь, склонив голову набок. На лице его играла слабая улыбка.

– Всем показывать – крови не хватит, – сказал он.

Пекарня фасадом выходила на аллею, и несколько работников вышли подышать относительно прохладным предрассветным воздухом, перекурить и хоть ненадолго отдохнуть от своих огнедышащих печей. Обрывки их разговора, завитками дыма поднимаясь вверх, долетали до скрытого тенью Теппика, цепляющегося за чудесным образом подвернувшийся подоконник, в то время как ноги отчаянно выискивали в кирпичной кладке хоть какую-нибудь выемку или выступ.

Что ж, неплохо, сказал он себе. Случалось влипать и похуже. Вспомнить хотя бы один из фасадов дворца патриция прошлой зимой, когда все водосточные желоба извергали потоки воды, а стены были сплошь покрыты наледью. А сейчас – три балла сложности, в лучшем случае три целых две десятых. Нам со стариной Чидди привычнее карабкаться по стенам, чем прогуливаться по городским улицам, ведь в конечном счете все зависит от угла зрения, от перспективы.

Хорошенькая перспектива. Он бросил быстрый взгляд вниз, в семидесятифутовую бездну. Держись, парень, возьми себя в руки. Глядеть только на стену. Правой ногой он нащупал выемку, образовавшуюся на месте раскрошившейся известки, и, повинаясь внутреннему голосу (сам голос наблюдал за происходящим с безопасного расстояния), зацепился кончиком башмака.

Теппик перевел дыхание, напрягся, пошарил рукой у пояса, вытащил кинжал и, прежде чем сила тяготения успела заявить о себе, воткнул его между кирпичей. Помедлил, задышавшись и выжидая, пока сила тяготения вновь утратит к нему интерес, после чего постарался проделать то же самое со вторым кинжалом.

Один из стоявших внизу пекарей, похоже, отпустил шутку и выковырял из уха кусочек известки. Пока его коллеги смеялись, Теппик стоял в лунном свете на двух тонких, как лучина, клатчских клинках, осторожно пробираясь ладонями к защелке окна, чей подоконник так выручил его.

Окно было заперто. Разумеется, его можно было бы распахнуть сильным ударом, но тот же удар отбросит Теппика назад, в пустоту. Он вздохнул и, двигаясь с точностью часовщика, вытащил из чехла алмазный циркуль. Теппик медленно вычертил на пыльном стекле круг...

– Ты должен нести его сам, – сказал Чиддер. – Такие здесь правила.

Теппик взглянул на свой сундук. Интригующее начало.

– Дома у нас есть специальные люди, – ответил он. – Евнухи, ну и так далее.

– Надо было прихватить хотя бы одного из них с собой.

– Они плохо переносят путешествия, – объяснил Теппик.

На самом деле он непреклонно отвергал все предложения взять с собой маленькую свиту – Диос несколько дней даже дулся на него. Не подобает человеку, в чьих жилах течет царская кровь, отправляться в мир словно простолюдину. Но Теппик стоял на своем. Он был абсолютно уверен, что, когда убийца выходит на дело, его не сопровождает толпа служанок и дворецких. Однако теперь Теппик несколько поколебался в своих воззрениях. В виде эксперимента он рывком попытался приподнять сундук, и в конце концов ему удалось пристроить багаж на плече.

– Похоже, люди у вас живут богато, – заметил Чиддер, неторопливо шагая рядом.

– Не так чтобы очень, – после некоторого раздумья ответил Теппик. – Большинство выращивают дыни, чеснок и всякое такое прочее. А еще стоят на улицах и кричат ура.

– И твои родители тоже? – озадаченно переспросил Чиддер.

– Они? Нет. Мой отец – фараон. А мать, кажется, была наложницей.

– Я-то считал, что наложница – это такой овощ.

– Вряд ли. Хотя мы никогда серьезно не говорили на эту тему. В общем, она умерла, когда я был еще маленький.

– Ужас какой, – весело заметил Чиддер.

– Однажды лунной ночью она решила поплавать верхом на бревне, а потом оказалось, что это крокодил.

Из вежливости Теппик сделал вид, что не обратил внимания на реакцию собеседника.

– А мой отец – по торговой части, – поделился Чиддер, когда они проходили под аркой.

– Это, должно быть, интересно, – уважительно произнес Теппик. Он почувствовал, что совершенно изнемогает под грузом новых впечатлений, и добавил: – Сам я никогда этим не занимался, но мне кажется, что торговцы – очень славные люди.

На протяжении следующих двух часов или около того Чиддер, который своей легкой, изящной походкой шел по жизни так, словно все в ней было ему давным-давно известно, посвящал Теппика в тайны жилых барачков, классных комнат и водопровода. Водопровод он приберег напоследок – тому были все причины.

– Как, вообще нет?

– Ну, есть всякие ведра, бадьи, – уклончиво ответил Теппик, – и много-много слуг.

– Какое-то оно устаревшее, ваше царство.

Теппик кивнул.

– Все из-за пирамид, – сказал он. – На них ушли последние деньги.

– Дорогая, должно быть, штука.

– Не особенно, – вздохнул Теппик. – Они ведь из простого камня. А камней у нас предостаточно. Камней и песка. Песка и камней. Тут нам нет равных. Если тебе когда-нибудь понадобятся камни или песок – обращай к нам. А вот внутренние покои действительно дорого обходятся. Мы до сих пор не можем расплатиться за дедушкину пирамиду, а она еще не самая большая. Всего три зала.

Теппик повернулся и выглянул в окно; они уже вновь успели вернуться в барак.

– Все царство в долгах, – спокойно продолжал он. – Даже наши долги по уши в долгах. Вот почему я здесь. Надо хоть кому-то в семье немного подзаработать. Наследный принц не должен слоняться без дела и глазеть в потолок. Нужно отправляться в люди и приносить хоть какую-то пользу обществу.

Чиддер облокотился на подоконник.

– Неужели нельзя позаимствовать кое-что из ваших пирамид, если там столько всякой всячины? – спросил он.

– Не говори глупостей.

– Извини.

Теппик мрачно разглядывал толпу внизу.

– Много же здесь людей, – сказал он, чтобы сменить тему. – Никогда не думал, что мир такой большой. И холодный, – добавил он, зябко передернув плечами.

– Ученики исчезают один за другим, – пожал плечами Чиддер. – Не выдерживают. Главное, знать, кто есть кто и что есть что. Видишь вон того парня?

Чиддер указал на одного из старших студентов, которые по-прежнему лениво толпились возле колонн перед входом.

– Того длинного? С физиономией, как нос твоего башмака?

– Это Пролет. Будь с ним осторожен. Если он пригласит тебя перекусить в своем кабинете, не ходи.

– А вон тот, маленький, с кудряшками, кто? – спросил Теппик, указывая на невысокого подростка, над которым склонилась болезненного вида дама.

Слюнявя носовой платок, она вытирала грязные разводы на щеках паренька. Закончив с этой процедурой, она заботливо поправила ему узел галстука.

Чиддер высунулся, чтобы получше его разглядеть.

– Это новенький, – ответил он. – Зовут Артур. Все еще хватается за мамочкину юбку, как я погляжу. Он долго не продержится.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Теппик. – Про нас то же самое говорят, а мы вон уже сколько тысяч лет держимся.

Стеклянный круг провалился вовнутрь и со звоном разбился на полу, после чего на несколько секунд все замерло. Потом стало слышно, как тихо капает с масленки масло. Лежащая на подоконнике, рядом с трупиками васильков, тень оказалась рукой, которая с растительной медлительностью двигалась к оконной защелке.

Раздался металлический скрежет защелки – и рама распахнулась совершенно бесшумно, как в потустороннем мире, где отсутствует трение.

Теппик спрыгнул на пол и растворился во тьме.

Минуту-другую в запыленном помещении стояла напряженная тишина, какая обычно возникает, когда кто-то осторожно крадется в потемках. Снова прожурчало масло, и задвижка люка, ведущего на крышу, с тихим металлическим звуком отъехала в сторону.

Теппик замер, переводя дыхание, и в этот самый миг до него донесся легкий шум. Шум звучал на частоте, едва уловимой человеческим слухом, однако сомнений быть не могло. Кто-то ожидал его по ту сторону люка, и этот кто-то прижал рукой листок трепещущей на ветру бумаги.

Теппик отвел руку от задвижки. Скользнул обратно по грязному, липкому полу и, касаясь рукой грубой деревянной стены, добрался до двери. На сей раз шансов у него было немного, но он все же открыл масленку и выдавил несколько бесшумных капель на дверные петли.

Через мгновение он был уже снаружи. Крыса, лениво прогуливавшаяся по коридору, изумленно застыла на месте, когда мимо нее проплыла смутная, как привидение, тень Теппика.

Еще одна дверь, путаный лабиринт затхлых кладовок, лестница. По всем расчетам, Теппик находился сейчас примерно ярдах в тридцати от люка. Дымохода нигде не было видно. Крыша наверняка вся простреливается.

Встав на четвереньки, Теппик достал комплект ножей, бархатный чехол продолговатым пятном чернел в потемках. Он остановил выбор на ноже номер пять – это игрушка не для всякого, только для того, кто знает к ней подход.

Затем высунулся и оглядел крышу, держа за спиной правую руку, в любой момент готовую распрямиться и, слив в едином движении усилия всего тела, послать несколько унций смертоносной стали в стремительный полет сквозь ночную мглу.

Возле люка сидел Мерисет и разглядывал свою дощечку. Глаза Теппика скользнули по продолговатым очертаниям мостика, аккуратно прислоненного к парапету несколькими футами ниже.

Он был абсолютно уверен, что не выдал себя ни единым звуком. Значит, экзаменатор услышал его взгляд.

Старик поднял плешистую голову.

– Благодарю, господин Теппик, – сказал он. – Можете продолжать.

Теппик почувствовал, что весь покрылся холодной испариной. Он посмотрел на дощечку в руках экзаменатора, потом на него самого, потом на свой нож.

– Да, сэр, – ответил он. И поскольку в сложившейся ситуации этого было явно недостаточно, добавил: – Спасибо, сэр.

Первая ночь запомнилась Теппику навсегда. Спальня оказалась достаточно большой, чтобы вместить восемнадцать мальчиков, определенных в Змеиное отделение, и достаточно высокой для двух огромных дверей, из-под которых постоянно тянуло сквозняком. Злодей-дизайнер, может, и помышлял о комфорте, но разве только в том смысле, чтобы уничтожить даже малейший намек на него: ему удалось спланировать помещение так, что в нем всегда было холоднее, чем на улице.

– Я думал, у каждого будет своя комната, – сказал Теппик.

Чиддер, который сразу заявил права на самую теплую кровать во всем леднике, кивнул:

– Потом будет.

Он прилег и нахмурился:

– Слушай, как думаешь, пружины специально натачивают?

Теппик ничего не ответил. На самом деле пансионная кровать была гораздо удобнее того ложа, на котором ему приходилось спать дома. Его родители, люди знатные и родовитые, стремились к тому, чтобы их отпрыск жил в максимально естественных условиях, зная, что ему всегда может быть отказано в родительском благословении.

Растянувшись на тощем матрасе, Теппик одно за другим вспоминал события прошедшего дня. Его записали в ряды убийц – пусть как простого ученика, – но за целых семь часов ни разу не дали притронуться к ножу. Конечно, завтра все будет по-другому...

Чиддер наклонился к нему.

– А где же наш Артур? – спросил он.

Теппик взглянул на соседнюю кровать. На самой ее середине трогательно лежал маленький узелок с одеждой, но не было и следа предполагаемого хозяина пожитков.

– Думаешь, сбежал? – поинтересовался Теппик, оглядывая полутемную спальню.

– Может, и сбежал, – ответил Чиддер. – Здесь такое частенько случается. Эти маменькины сынки, когда им приходится первый раз уехать из дома...

Дверь в конце комнаты медленно приоткрылась, и в проеме показалась спина Артура, который тянул за собой большого, изо всех сил упирающегося козла. Не расставаясь со своей добычей, Артур двигался по проходу между кроватями, каждый шаг давался ему с величайшим трудом.

В течение нескольких минут мальчики, не проронив ни слова, наблюдали за тем, как он привязал животное к изголовью своей кровати, после чего высыпал на одеяло содержимое узелка – несколько черных свечей, пучок каких-то трав, связку черепов и кусок мела. Взяв мел, весь светясь и раздумываясь, как человек, задумавший свершить некое справедливое деяние, неважно какое, Артур дважды очертил свою кровать кругом, а затем, встав на полные, круглые колени, разложил перед собой самую отталкивающую на вид коллекцию оккультных символов, какую Теппику когда-либо приходилось видеть. Потом Артур водрузил на почетное место свечи и зажег их; свечи шипели и издавали странный запах, учуяв который вы вряд ли захотели бы узнать, из чего они сделаны.

Достав из кучи сваленных на постели пожитков короткий нож с красной рукоятью, Артур двинулся на козла...

В затылок ему мягко шмякнулась подушка.

– Чтоб ты сдох, набожный зануда!

Артур выронил нож и захныкал. Разгневанный Чиддер привстал на кровати.

– Это ты сделал, Сыроправ! – заорал он. – Я тебя видел!

Сыроправ, тощий, кожа да кости, рыжеволосый юнец с лицом, слившимся в одну большую веснушку, без труда выдержал его взгляд.

– Согласись, это чересчур, – примирительно сказал он. – Не дают человеку заснуть всякой своей религиозной мутью. Только сосунки молятся, перед тем как лечь в постельку, а мы пришли сюда, чтобы стать настоящими убийцами...

– Заткнулся бы ты лучше, а? – крикнул Чиддер. – Если бы люди почаще молились, жить было бы значительно легче. Я, по крайней мере, частенько отлынивал, но...

Удар подушки прервал его на полуслове. Чиддер выскочил из постели и, размахивая кулаками, набросился на рыжеволосого.

Пока вся спальня толкалась вокруг дерущихся, Теппик выскользнул из-под одеяла и, шлепая по полу босыми ногами, подошел к Артуру, который сидел на краешке своей кровати и тихонько всхлипывал.

Теппик нерешительно погладил его по плечу, полагая, что подобные вещи способны утешить и приободрить человека.

– Эй, парень, чего плакать из-за какой-то ерунды? – выдавил он грубоватым баском.

– Но... я нарушил порядок рун, – прохныкал Артур. – И теперь уже ничего не исправить! А значит, ночью придет Великий Ервь и намотает мои внутренности на свой жезл!

– Правда?

– И вырвет мои глаза. Так мама говорит!

– Черт возьми! – восхищенно воскликнул Теппик. – Правда?

Он страшно обрадовался, что кровать Артура стоит напротив и ему предстоит стать свидетелем столь неслыханного зрелища.

– Что же это за религия такая?

– Мы – строго авторизованные ервиане, – пояснил Артур и звучно высморкался. – А ты вроде не молишься... – заметил он. – Неужели у тебя нет своего бога?

– Конечно есть, – неуверенно произнес Теппик, – можешь не сомневаться.

– Ты не очень-то стремишься с ним поговорить.

– Не могу, – покачал головой Теппик, – здесь не могу. Видишь ли, он меня не услышит.

– Мой бог слышит меня везде! – с жаром ответил Артур.

– А вот мой – вряд ли, даже если и нахожусь с ним в одной комнате, – сказал Теппик. – Мученье, да и только.

– Ты случайно не оффлианин? – спросил Артур.

Оффлер был безухим Богом-Крокодилом.

– Нет.

– Так какому же богу ты тогда поклоняешься?

– Не то чтобы поклоняюсь... – протянул Теппик, испытывая некоторую неловкость. – «Поклоняюсь» не то слово. Если уж об этом зашла речь, бог приходится мне отцом.

Веки Артура, обведенные розовой каемкой, широко раскрылись.

– Выходит, ты – Сын Божий? – прошептал он.

– Там, откуда я родом, божественность входит в непереносимые атрибуты царя, – торопливо разъяснил Теппик. – Дел у него не слишком-то много. Жрецы – вот кто правит страной. А царь только следит за тем, чтобы река каждый год вовремя разливалась, и прислуживает Великой Небесной Короле. Точнее, прислуживал...

– Великой...

– Ну да, моей матери то есть, – пояснил Теппик. – Все это довольно сложно.

– А он карает людей?

– Не знаю. Он никогда не говорил.

Артур потянулся к изголовью кровати. Козел, пользуясь всеобщим смятением, перегрыз веревку и рысцой выбежал в приоткрытую дверь, давая громогласные обещания отныне и навсегда порвать со всеми религиозными культами.

– Меня ждут страшные неприятности, – поделился Артур. – Ты не мог бы попросить отца объяснить Великому Ервию, как все произошло?

– Пожалуй, он сможет, – с сомнением в голосе произнес Теппик. – Так или иначе, я все равно собирался завтра писать домой.

– Великого Ервия чаще всего можно найти в одной из Нижних Преисподних, – сказал Артур, – оттуда он следит за всем, что мы делаем. По крайней мере, за всем, что делаю я. Теперь из его почитателей мы с мамой остались одни, и хлопот у него не слишком много.

– Да, да, я обязательно напишу отцу.

– Как думаешь, Великий Ервь придет сегодня ночью?

– Вряд ли. Я попрошу отца, чтобы он ему все объяснил.

В другом конце спальни Чиддер, упершись коленом в спину Сыроправа, методично бил его лбом о стену.

– Повтори еще раз, – командовал он. – «Нет ничего дурного в том...»

– «Нет ничего дурного в том, чтобы мальчик, как настоящий мужчина...» Будь ты проклят, Чиддер...

– Не слышу, Сыроправ, – заявил Чиддер.

– «...как настоящий мужчина, молился в присутствии других мальчиков». Сволочь ты!

– Вот так-то лучше. И запомни это хорошенько.

Наконец погасили свет. Лежа на спине в своей кровати, Теппик размышлял о религии. Предмет, надо сказать, довольно запутанный.

В долине Джеля обитали собственные боги, не имеющие никакого отношения к остальному миру. Джельцы этим очень гордились. Мудрые и справедливые боги умело и дальновидно направляли жизни людей – тут сомнений быть не могло. Однако оставалось и немало загадочного.

Так, скажем, Теппик знал, что по велению его отца каждый день восходит солнце, каждый год разливается река и так далее. Это была основа основ, этим фараоны занимались со времен Куфта, и спорить тут, в общем-то, было не о чем. Одно смущало Теппика: благодаря отцу солнце поднимается только над долиной или же надо всем миром? Более резонно было предположить, что только над долиной, – так легче, поскольку отец с годами не становился моложе, – но трудно было представить, что светило когда-нибудь может взойти повсюду, кроме долины. Сие приводило к удручающей мысли, что солнце все равно встанет, даже если отец забудет ему приказать, и эта мысль весьма походила на правду. Теппик вынужден был признать, что особых хлопот с восходом нет. По крайней мере, кряхтеть от натуги отцу не приходилось. Царь всегда вставал прямо к завтраку. Вслед за ним появлялось и солнце.

Теппик уснул не сразу. Вопреки уверениям Чиддера, постель была слишком мягкой, воздух в спальне слишком холодным, но хуже всего было то, что небо за высокими окнами было черным-черно. Дома, по крайней мере, в нем полыхали зарницы над некрополем – их безмолвное, жутковатое пламя было привычным и успокаивающим, словно говорило: предки с небес взируют на долину и ее жителей. Теппик не любил темноты...

На следующую ночь мальчик из дальнего приморского королевства робко пытался запереть своего соседа в плетеную корзину, которую сделал на уроке труда, и поджечь, а еще через день Сноксолл, чья кровать стояла у самых дверей, выходец из какой-то маленькой, затерянной в лесах страны, вымазался зеленой краской и попытался найти добровольцев, которые разрешили бы обмотать свои кишки вокруг дерева. В четверг разыгралось небольшое сражение между теми, кто поклонялся Богине-Матери в образе Луны, и теми, кто боготворил ее в виде толстой бабищи с преогромными ягодицами. Тогда-то и вмешались учителя, которые объяснили, что, поскольку религия – дело тонкое, не следует воспринимать ее слишком всерьез.

В глубине души Теппик подозревал, что пунктуальность – это обязательная черта всякого приличного человека. Но Мерисет наверняка окажется в башне раньше его. А ведь Теппик двигался по прямой. Чтобы старикан опередил его? Невозможно! «Лучше-ка вспомни, что и у моста через аллею он тоже не мог оказаться первым... Наверное, Мерисет убрал мост еще до того, как встретиться со мной, а потом, пока я карабкался по стене, поднялся на крышу...» – рассуждал Теппик, сам не веря ни единому слову из своих рассуждений.

Он осторожно пробежал по самому краю крыши, стараясь не ступать на расшатавшиеся черепицы. Благодаря возбужденной фантазии в каждой тени ему мерещился соглядатай.

Очертания башни смутно маячили впереди. Теппик остановился и внимательно посмотрел на нее. Он видел эту башню сто раз и не единожды забирался на нее – хотя за это восхождение можно было получить максимум одну целую восемь десятых балла, карабкаться по медному куполу было интересно. Знакомое место... И от этого еще более подозрительное – приземистая башня тяжело, угрожающе нависала в серых утренних сумерках.

Теппик замедлил шаг, приближаясь к зданию по дуге. Ему вспомнилось, что на куполе остались его инициалы, вместе с инициалами Чиддера и сотен других молодых убийц, и что эти инициалы останутся на века, даже если сегодня ночью ему суждено погибнуть. Это некоторым образом успокаивало. Хотя и не очень.

Он отвязал конец веревки с крюком и легким движением забросил ее на широкий парапет, опоясывающий башню под самым куполом. Потом потянул на себя – в ответ раздался негромкий лязг металла о камень.

Затем рванул как можно сильнее, упершись одной ногой в дымовую трубу.

Резко и совершенно бесшумно кусок парапета откололся и рухнул вниз.

Камень свалился на крышу под башней и скатился по черепице. Пауза – и, словно точка в конце фразы, глухой удар, донесшийся с улицы. Залаяла собака.

Мир крыш застыл. Легкий ветерок всколыхнул светлеющий воздух.

Через несколько минут Теппик выступил из тени, падающей от дымохода, и улыбнулся странной, страшной улыбкой.

Экзаменатор всегда прав – таков основной принцип. Клиенты убийц достаточно богатые люди и могут обеспечить себе самую хитроумную защиту, вплоть до найма собственных убийц⁵.

Мерисет вовсе не пытался убить Теппика; он просто делал все, чтобы Теппик убил себя сам.

Теппик подобрался к основанию башни и нашел водосточную трубу. К его немалому удивлению, труба не была вымазана скользкой слизью, однако, осторожно ощупывая ее, он наткнулся на отравленные черные иглы. Одну из них Теппик выдернул пинцетом.

Дистиллированная вытяжка из рыбы-шара, яд шаробум. Недешевое снадобье с молниеносным действием. Отцепив от пояса стеклянный пузырек, Теппик собрал в него как можно больше иголок и, надев бронерукавицы, медленно, как ленивец, стал карабкаться вверх по трубе.

– Итак, вполне может случиться, что, шагая по городу по своим законным делам, вы вдруг встретитесь с кем-то из бывших товарищей и выясните, что он работает на другую сторону. Причем это, возможно, окажется господин, с которым вы раньше сидели на одной скамье. Все это вполне естественно и, чем это вы там занимаетесь, господин Чиддер, нет, ничего не желаю слушать, подойдете ко мне позже, справедливо. Каждый человек имеет право защищаться любым доступным способом. Тем не менее есть враги, которые могут следить за вами и которым сейчас ни один из вас не способен дать отпор, кто же они, господин Сыроправ?

Подобно стервятнику, слышавшему предсмертные хрипы своей жертвы, Мерисет вернулся у доски и ткнул мелом в Сыроправа, который при этом поперхнулся.

– Гильдия Воров, – полувопросительно пролепетал Сыроправ.

– Подойди сюда, мальчик.

По спальням ходили смутные, наводящие ужас слухи о том, как Мерисет расправляется с нерадивыми учениками. Класс расслабленно затих. Как правило, Мерисет сначала гипнотизировал жертву – начинающим убийцам оставалось теперь только глядеть во все глаза и наслаждаться зрелищем. Побагровев до ушей, Сыроправ встал и поплелся по проходу между партами.

Наставник изучающе глядел на него.

– Итак, – произнес он, – представим себе господина Сыроправа крадущимся по шаткой кровле. Обратите внимание на полное решимости лицо. Посмотрите на нисколько не дрожащие колени.

Класс послушно захихикал. Сыроправ с косой, идиотской ухмылкой взглянул на товарищей и снова потупился.

⁵ Существует мнение, что жизнь в Анк-Морпорке не стоит и гроша. Разумеется, это в корне ошибочная точка зрения. Жизнь здесь влетает в копеечку, а вот смерть распространяется даром.

– Но что за зловещие тени крадутся за ним след в след, ну-ка? Если вам так весело, господин Теппик, то, может, вы будете так добры и подскажите господину Сыроправу?

Смех ледяным комком застрял у Теппика в горле.

Мерисет буравил его своим взором. Точь-в-точь Диос, верховный жрец, подумал Теппик. Даже отец боялся Диоса.

Теппик знал, чего от него ждут, но, черт побери, он не поддастся. От него ждали, что он испугается.

– Недостаточная подготовленность, – ответил он. – Безответственность. Разгильдяйство. Небрежное обращение с инструментом. А также самоуверенность, сэр.

Какое-то время Мерисет не сводил с него глаз, но у Теппика была богатая практика – дворцовые кошки.

По лицу преподавателя скользнула улыбка, менее всего свидетельствующая о веселости нрава.

– Господин Теппик совершенно прав. Особенно насчет самоуверенности, – признал он, подбрасывая мел и ловя его в воздухе.

Кромка крыши вела прямо к гостеприимно распахнутому окну. Черепица поблескивала от разлитого масла, и, прежде чем ступить на нее, Теппик потратил несколько минут, вворачивая в трещины короткие металлические шипы.

Легко зацепившись за раму, он отстегнул от пояса несколько коротких стальных штырей. Их можно было соединять друг с другом, и через пару минут лихорадочной работы Теппик держал в руках нечто наподобие удилища длиной в три фута, на конце которого крепилось небольшое зеркальце.

Но зеркальце отразило лишь ровную тьму открытого проема. Теппик снял зеркальце и предпринял новую попытку, на этот раз надев на конец штыря свой капюшон, куда положил свернутые перчатки. Все вместе должно было произвести впечатление осторожно высывающейся головы. Он был уверен, что мишень тут же будет поражена арбалетной стрелой или дротиком, однако предполагаемой атаки не последовало.

Несмотря на ночную духоту, Теппика знобило. Черный бархат хорошо смотрится – вот, пожалуй, и все, что можно сказать в его пользу. От возбуждения и затраченных усилий Теппику казалось, что за шиворот ему вылили пару пинт холодной липкой жидкости.

Он продолжил свои манипуляции.

Вдоль подоконника была натянута тонкая черная проволока, соединенная с зазубренным лезвием, угрожающе нависающим сверху. Заклинить его штырями и перерезать проволоку было минутным делом. Теппик злорадно усмехнулся во тьме.

Пошарив удилищем по комнате, он обнаружил, что под окном никаких препятствий нет. Однако на уровне груди была натянута еще одна проволока. Теппик прикрепил к удилищу небольшой крючок, зацепил проволоку и дернул.

Арбалетная стрела с глухим стуком вонзилась в старую штукатурку.

Осторожно поведя по полу комком глины, прилепленным к концу удилища, Теппик наткнулся на несколько капканов. Выловив их один за другим, Теппик не без любопытства разглядел ловушки поближе. Все они были медными. Магнитом, которым, как правило, все пользовались, такие капканы не обнаружишь.

Теппик задумался. В сумке у него лежала пара «санитаров». Передвигаться в них чертовски неудобно, но Теппик на всякий случай все же надел их. («Санитары» представляли собой нечто наподобие армированных галош. Сокращенно СНТ, или «спасите наши туши», как в шутку называли их будущие убийцы.) В конце концов, Мерисет – специалист по ядам. Яд шаробум! Если бы Мерисет покрыл капканы тем же ядом, что и иголки на трубе, Теппика

просто размазало бы по стенам. Его даже не пришлось бы хоронить – достаточно сделать в комнате легкий ремонт ⁶.

Правила. Мерисет обязан соблюдать правила. Он не может убить его без предупреждения. Он должен подстроить все так, чтобы Теппик сам погубил себя своей безответственностью и самоуверенностью.

Юный убийца легко соскочил на пол и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Поводил удилищем вокруг, но проволок больше не было; капкан тихо хрустнул под обутой в «санитары» ногой.

– А вы вовремя, господин Теппик.

Мерисет стоял в углу комнаты. Теппик слышал тихий шорох его карандаша. Из всех сил он старался не думать об этом человеке. Просто думай о чем-нибудь другом...

На кровати виднелись очертания человеческой фигуры с головой, укрытой одеялом.

Вот она, развязка. В этой комнате все и решится. Про это испытание студенты, прошедшие его, никогда не рассказывали. Ну а провалившиеся уже не могли ничего рассказать.

Варианты поведения, один за другим, мелькали в голове у Теппика. В такие минуты, подумалось ему, необходимо наитие свыше. Где ты, папа?

Он всегда завидовал сокурсникам, верящим в богов, которых нельзя коснуться и потрогать, которые обитают где-то далеко-далеко, на вершине горы. В таких богов действительно можно верить. Но, о боги, как все-таки нелегко поверить в божественность человека, с которым каждое утро завтракаешь за одним столом!

Теппик достал разобранный на части, весь в смазке, арбалет и собрал его. Это оружие не очень подходило к ситуации, но он уже израсходовал весь запас ножей, а губы слишком пересохли, чтобы воспользоваться духовой трубкой.

Из угла донеслось пощелкивание. Мерисет беззаботно постукивал карандашом о зубы.

На кровати мог лежать манекен. Как узнать? Нет, это должен быть живой человек. Вспомни, что говорили. Или ткнуть его удилищем?..

Теппик покачал головой, поднял арбалет и тщательно прицелился.

– Прошу вас, господин Теппик.

Так вот что это такое.

Так вот где проверяют, можешь ли ты убить.

Так вот отчего ему так не по себе.

Он знал, что не сможет.

Во второй половине октедельника они, согласно расписанию, отправлялись в политэкспедицию, ведомые леди Т'малией – одной из немногих женщин, занимающих высокую должность в Гильдии. Среди обитателей земель, прилегавших к Круглому морю, бытовало мнение, что единственный способ прожить долго – это никогда не делить трапезу с леди Т'малией. В перстнях на ее руке хватало бы яда, чтобы устроить погребение небольшому городку. Леди Т'малия была ослепительно красива – но какой-то холодной, расчетливой красотой, над которой трудилась целая команда искушенных в своем ремесле художников, маникюрш, гримерш, корсетников и портных, – три часа ежеутренней напряженной работы. Китовый ус корсета слегка поскрипывал при ходьбе.

Мальчики прилежно слушали. Когда леди Т'малия говорила, все внимание следовало обратить на ее пальцы.

⁶ Глубоководная рыба-шар, *Singularis minutia gigantica*, защищается от врагов, моментально раздуваясь и становясь во много раз больше своей обычной величины. Если яд шаробум, который добывается из этой рыбы, попадает внутрь человеческого организма, каждая его клетка мгновенно увеличивается в 2000 раз. Это неизбежно влечет летальный исход – причем очень громкий.

– Итак, – сказала леди Т’малия, – рассмотрим ситуацию в том виде, в каком она сложилась к моменту основания Гильдии. В этом городе, как, впрочем, и во многих других местах, рост и прогресс цивилизации обеспечивались динамическим взаимодействием интересов множества крупных и мощных картелей. В дни до основания Гильдии борьба за первенство между консорциумами неизбежно приводила к плачевным разногласиям, которые разрешались на основе самых дремучих предрассудков и суеверий. Последние пагубным образом сказывались на общих интересах города. Обращаю ваше особое внимание на то, что там, где царит дисгармония, коммерция приходит в упадок.

– Так было. – Леди Т’малия сделала многозначительную паузу и сложила руки на груди. Раздался такой скрип, словно застонала обшивка галеона, борющегося со стихией. – Само собой разумеется, возникла необходимость в крайних и одновременно действенных средствах примирения непримиримых противоречий, – продолжала леди Т’малия, – и это подготовило почву для создания Гильдии. Какое наслаждение, – неожиданный всплеск ее голоса заставил виновато вздрогнуть несколько дюжин молодых людей, погрузившихся было в мечты сугубо личного характера, – какое наслаждение было жить в те, первые дни, когда люди прочных моральных устоев взялись выковать беспрецедентное политическое орудие, готовое к бою. И сколь счастливыми должны вы чувствовать себя сейчас, обучаясь в Гильдии, требующей от человека безупречного воспитания, физической закалки, умения владеть эзотерическими навыками и одновременно дающей ему власть, которая раньше была прерогативой только богов. Воистину, мир – это раковина, скрывающая...

Во время обеденного перерыва Чиддер растолковывал речи Т’малии собравшимся за зданием конюшен товарищам.

– А я знаю, что значит «разрешать на основе дремучих суеверий», – важно произнес Сыроправ. – Это значит – топором.

– Ничего подобного, – возразил Чиддер.

– А ты откуда знаешь?

– Моя семья много лет занимается коммерцией.

– Ха, коммерцией! – фыркнул Сыроправ.

Чиддер никогда не вдавался в подробности относительно того, что это за коммерция. Каким-то образом она была связана с решением некоторых вопросов и удовлетворением неких нужд, но что это за вопросы и о каких нуждах шла речь – всегда оставалось неясным.

Влепив Сыроправу оплеуху, он подробно объяснил, что «разрешать на основе дремучих суеверий» означает не просто устроить жертве погребение, предпочтительно в строгом соответствии с ритуалом, но и непосредственно вовлечь в дело компаньонов и служащих, офисы и конторы, а также большинство жителей близлежащих районов, так, чтобы каждый из вовлеченных понял, что покойный совершил непростительную глупость, поссорившись с людьми, способными сильно рассердиться и начать действовать безо всяких церемоний.

– Ого! – восхитился Артур.

– Это еще что, – продолжал Чиддер, – однажды, в Ночь Всех Пустых, мой дедушка вместе со всем счетоводческим отделом устроил деловую конференцию на высшем уровне с людьми из Пузмемелья. Пятнадцать человек после этого пропали без вести. Скверное дело. Вредит деловому сообществу.

– Всему деловому сообществу или только той его части, которую потом вылавливают из реки? – уточнил Теппик.

– Именно. Уж лучше бы все кончалось так, – Чиддер показал головой. – Понимаешь, чисто. Поэтому-то отец и посоветовал мне поступить в Гильдию. Сегодня, когда надо заниматься делом, нельзя тратить столько времени на устранение связанной общественности.

Кончик арбалетной стрелы дрожал.

Ему нравилось в школе все: карабкаться по крышам и водосточкам, заниматься музыкой, получать широкое, разностороннее образование. Однако его постоянно мучила мысль о том, что все это заканчивается убийством. Он никогда никого не убивал.

«Вот в чем дело, – сказал он про себя. – Здесь каждый, в том числе и ты, проверяет, способен ли он на это.

Если я сейчас совершу ошибку – я покойник».

Мерисет в своем углу начал вполголоса напевать легкомысленный мотивчик.

Такова цена диплома в Гильдии. Гильдия тщательно следит за тем, чтобы среди ее выпускников не было людей безответственных, малодушных и, если можно так выразиться, убийственно недееспособных. Тех, кто проваливался на испытаниях, больше никто никогда не видел.

А провалы случались. И человек просто исчезал. Может быть, сейчас под одеялом лежит один из них. А может даже, это Чиддер, или Сноксолл, или кто еще из ребят. Все они отправились на дело сегодня вечером. Может, если он провалится, в следующий раз там будет лежать именно его тело...

Теппик снова взял на прицел неподвижную фигуру на кровати.

Экзаменатор откашлялся.

Во рту у Теппика пересохло. Паника одолела его, как икота – пьяницу.

Он сжал зубы, чтобы те не стучали. Мурашки бегали по хребту, одежда казалась кучей мокрых лохмотьев. Время замедлило бег.

Нет. Он этого не сделает. Внезапное решение поразило его, как удар в спину на темной безлюдной улице. Дело было не в том, что он возненавидел Гильдию или как-то особо невзлюбил Мерисета. Просто нельзя так испытывать людей. Сама идея подобного испытания ошибочна.

Что ж, провал так провал, решил он. Разве не этого добивался старик?

Проваливаться – так уж с музыкой.

Он обернулся к Мерисету, дружелюбно взглянул на него, отвел арбалет вправо и не целясь нажал на спуск.

Металлически прозвенела спущенная тетива.

Звякнув, стрела срикошетила от гвоздя в подоконнике. Мерисет пригнулся, когда она, жужжа, пролетела над самой его головой. Потом, ударившись о факельное кольцо в стене, с истошным визгом бешеной кошки мелькнула перед белым как мел лицом Теппика.

И наконец глухо вонзилась в укрытое одеялом тело. Все стихло.

– Спасибо, господин Теппик. Если можете, задержитесь на минутку.

Старый убийца склонился над своей дощечкой, губы его шевелились.

Он взял карандаш, привязанный обрывком старой тетивы, и сделал несколько пометок на клочке розовой бумаги.

– Я не настаиваю, чтобы ты брал это из моих рук, – сказал он. – Оставлю все на столе у двери.

Улыбку Мерисета нельзя было назвать особенно приятной: из этой сухо змеящейся на губах ухмылки все человеческое тепло давно испарилось. Так улыбаются трупы, пролежавшие несколько лет под палящим солнцем пустыни. Но, по крайней мере, чувствовалось, что Мерисет старается.

Теппик застыл на месте.

– Так я прошел? – спросил он.

– В свое время ты все узнаешь.

– Но...

– Как тебе должно быть известно, нам не разрешается обсуждать результаты экзаменов с учениками. Единственно хочу сказать, что лично я не одобряю всей этой новомодной показухи. С добрым утром.

И Мерисет крадучись вышел.

Теппик неверной походкой доковылял до пыльного стола у двери и с ужасом заглянул в оставленный там клочок. По привычке он достал пинцет и ухватил бумажку.

В подлинности документа сомневаться не приходилось. Печать Гильдии и похожая на краба раскоряченная загогулина – подпись самого Мерисета. Теппику довольно часто приходилось видеть ее, преимущественно на зачетных листках, под комментариями типа: «3/10. Загляните ко мне».

Теппик приблизился к кровати и отдернул одеяло.

Было около часа. Ночь в Анк-Морпорке только начиналась.

Над крышами, в воздушном, эфирном мире воров и убийц, стояла тьма. Но на улицах города жизнь бурлила, как вода в половодье.

Теппик в каком-то оцепенении брел сквозь толпу. Отстраненный вид, тупое лицо – вылитый турист, но, поскольку на Теппике был черный костюм убийцы, толпа безропотно расступалась и тут же смыкалась вслед за ним. Даже карманников как ветром сдуло. Никогда не знаешь, что за сюрприз ждет тебя в кармане убийцы. Не отдавая отчета, он прошел в сводчатые ворота Гильдии и упал на черную мраморную скамью, подперев голову руками.

Все, жизнь кончена. Он даже не думал о том, что будет дальше. Будет ли это дальше – вот вопрос.

Кто-то хлопнул его по плечу. Обернувшись, он увидел Чиддера, который тут же сел рядом и продемонстрировал Теппику клочок розовой бумаги.

– Привет, – сказал он.

– Ну как, сдал? – спросил Теппик.

– Нет проблем, – ухмыльнулся Чиддер. – Найвор принимал. Нет проблем. Хотя и заставил понервничать с аварийным трапом. Ну а у тебя что?

– М-м. У меня? Да так... – Теппик постарался взять себя в руки. – Ничего особенного.

– Про других не слышал?

– Нет.

Чиддер откинулся на спинку скамьи.

– Сыроправ точно сдаст, – важно произнес он, – и малыш Артур. Остальные, думаю, нет. Дадим им еще двадцать минут, ладно?

Теппик повернул к нему искаженное мукой лицо.

– Чидди, я...

– Что?

– Ну, когда дошло до этого, я...

– Что ты?

– Ничего, – ответил Теппик, опустив глаза и разглядывая булыжники.

– Тебе повезло – прогулялся с ветерком по крышам. А мне достались канализация и склад в Галантерейной башне. Когда вернулся, пришлось переодеваться с ног до головы.

– У тебя была кукла? – спросил Теппик.

– Увы, а у тебя разве нет?

– Но нас заставляют думать, что все это по-настоящему, – простонал Теппик.

– Так ведь кукла и выглядела по-настоящему.

– В том-то и дело!

– Ну и прекрасно. Ты ведь сдал. Значит, нет проблем.

– Неужели ты ни на секунду не задумался, кто лежит там, под одеялом, кто это и почему...

– Да, я действительно подумал о том, что, быть может, поступаю не совсем правильно, – допустил Чиддер. – Но потом решил, что меня это не касается.

– А я... – Теппик запнулся.

Что говорить? Попробовать все объяснить? Эта идея не вызвала у него особого энтузиазма.

Чиддер дружески похлопал его по спине:

– Не переживай! Главное, мы своего добились!

И Чиддер поднял большой палец правой руки, прижав к указательному и среднему, – таков был древний знак приветствия у убийц.

Большой палец, прижатый к указательному и среднему, – и в этот момент тощая фигура главного наставника, доктора Проблема, словно из-под земли выросла перед опешившими мальчиками.

– Мы не убиваем, – сказал он своим мягким голосом.

Доктор Проблем никогда не повышал тон, но умел придать голосу такое звучание, что его можно было расслышать даже сквозь рев урагана.

– Мы не казим. Не устраиваем резню. Мы никогда, можете быть совершенно уверены, не прибегаем к пыткам. В нашей работе нет ничего общего с преступлениями, которые совершаются по любовным мотивам, из ненависти или ради пустой выгоды. Мы занимаемся ею не потому, что погребение само по себе доставляет нам удовольствие, не ради удовлетворения каких-то тайных душевных потребностей, не для того, чтобы преуспеть, не во имя какого-либо дела или веры; повторяю вам, господа, что все эти мотивы в высшей степени подозрительны. Вглядитесь в лицо религиозного фанатика, который вознамерился вас убить, и вы ощутите омерзительное духовное зловоние. Вслушайтесь в речи проповедника священной войны, и, уверяю вас, вы услышите, что устами его глаголет само зло – безобразный монстр, уродующий чистоту родного языка своим чудовищным хвостом.

Нет, мы делаем это за деньги.

Но кому, как не нам, ведома цена человеческой жизни? Так что мы делаем это за большие деньги.

Нет мотивов более чистых, лишенных всякой претенциозности.

Помните: «*Nil mortifi, sine lucre*». Всякое убийство должно быть оплачено.

И всегда давайте расписку, – сказал он, выдержав недолгую паузу.

– В общем, все прекрасно, – сказал Чиддер.

Теппик мрачно кивнул. Вот что так привлекало его в Чиддере. Этой способности никогда не задумываться над своими поступками можно было только позавидовать.

Кто-то крадучись вошел в открытые ворота⁷.

Светлые курчавые волосы блеснули в свете факела, горящего над каморкой привратника.

– Похоже, вас обоих тоже можно поздравить, – сказал Артур, небрежно помахивая розовой бумажкой.

За семь лет он очень изменился. Неудачные попытки Великого Ервя отомстить ему за отсутствие набожного рвения отучили Артура от привычки то и дело прятать голову под плащ. Маленький рост давал ему естественное преимущество там, где необходимо было проникнуть сквозь какой-нибудь узкий лаз. А его врожденная склонность к мотивированному насилию дала о себе знать в тот самый день, когда Пролет с друзьями решили позабавиться и устроить кому-нибудь из новичков «темную». Для этой затеи они облюбовали Артура. Десять

⁷ Ворота Гильдии Убийц никогда не запираются. Поговаривают, это потому, что Смерть всегда открыта для предложений, однако истинная причина состоит в том, что петли ворот заржавели еще много веков назад и никому не хочется брать на себя труд смазать их.

секунд спустя совместными усилиями всей спальни Артура едва удалось отцепить от Пролета и вырвать из рук мальчика обломки стула. Затем каким-то образом стало известно, что он сын покойного Йогана Людорума, одного из самых знаменитых убийц за всю историю Гильдии. Осиротевшие дети убийц всегда получали бесплатное образование. Гильдия радеет о своих работниках.

В том, что Артур сдаст экзамен, никто не сомневался. Его дополнительно опекали и позволяли пользоваться сложными ядами. Вероятнее всего, в будущем его ждала аспирантура.

Мальчики дождались, пока гонги над городом не пробьют два. В Анк-Морпорке часовое дело не относилось к точным технологиям, и в каждой из городских общин существовали свои представления о том, сколько может длиться час, поэтому грохот гонгов звучал над крышами минут пять.

Когда стало очевидно, что консенсус достигнут и горожане единогласно признали начало третьего, друзья притихли, молча уставившись на носки своих ботинок.

– Что ж, значит так... – сказал Чиддер.

– Бедный старина Сыроправ, – откликнулся Артур. – Настоящая трагедия, если вдуматься.

– Он был должен мне четыре пенса, – согласился Чиддер. – Пойдемте, я кое-что для вас приготовил.

Царь Теппицимон XXVII приподнялся на постели и зажал уши руками, чтобы не слышать рева прибой. Море сегодня ночью разбушевалось.

Когда он чувствовал себя неважно, шум волн многократно усиливался. Надо было как-то отвлечься. Например, послать за Птраси, любимой служанкой. Она была особенной. Пение ее всегда помогало монарху взбодриться. Когда Птраси заканчивала петь, жизнь сразу становилась намного радостнее.

Или восход. Он тоже действовал на Теппицимона успокаивающе. Приятно сидеть, закутавшись в одеяло, на самой высокой крыше дворца, глядя, как солнце встает над рекой и затопляет землю, словно потоки текучего золота. И душу переполняет теплое чувство удовлетворения, будто от хорошо сделанной работы. Пусть даже ты понятия не имеешь, как тебе это удается...

Царь встал, нашарил ногами войлочные шлепанцы и вышел в широкий коридор, упирающийся в каменную винтовую лестницу, которая вела на крышу. Первые, слабые лучи светила озаряли статуи местных богов, бросающих на стену причудливые тени – песьеголовые, с туловищем рыбы или паучьими лапами. Фараону они были знакомы с детства. Ни один юношеский кошмар не обходился без них.

И еще море. Он видел его только однажды, мальчиком. Запомнилось ему немного – что оно очень большое. И шумное. И эти чайки...

Они неотвязно стояли перед его внутренним взором. Они казались ему почти совершенством. Вот бы вернуться к морю в облике одной из этих птиц, но, разумеется, фараону такое не пристало. К тому же фараоны никогда не возвращаются. Потому что никогда не уходят.

– Ну и что это? – спросил Теппик.

– Попробуй, – предложил Чиддер, – просто возьми и попробуй. Больше такой возможности тебе не представится.

– Жалко портить, – поделился Артур, пристально разглядывая изысканный узор на своей тарелке. – А что это за красные штучки?

– Всего-навсего редиска, – снисходительно пояснил Чиддер. – Суть не в ней. Ну, смелее.

Теппик взял маленькую деревянную вилку и покосился на тонкий, как папиросная бумага, белый кусок рыбы. Шеф-повар, ответственный за сквиши, глядел на него внимательно

и умиленно, как на младенца, совершающего первые, робкие шаги. Остальные посетители ресторана – тоже.

Теппик осторожно положил в рот кусочек. Рыба была солоноватой и на вкус отдавала резиной с легким запахом канализации.

– Нравится? – заботливо спросил Чиддер.

Сидящие за соседним столом заплотировали.

– Специфическое, – согласился Теппик, продолжая жевать. – Что это?

– Глубоководная рыба-шар, – гордо промолвил Чиддер.

– Не бойся, – поспешно добавил он, видя, что Теппик с многозначительным видом отложил вилку. – Это совершенно безопасно. Желудок, печень и пищеварительный тракт удалены, вот почему это блюдо столько стоит, оно по силам только первоклассному повару, это лучшее, самое дорогое блюдо в мире, люди посвящают ему поэмы...

– От одного вкуса можно взорваться, – пробормотал Теппик, стараясь держать себя в руках.

Однако рыба, видимо, и впрямь была правильно приготовлена – в противном случае Теппик уже превратился бы в рисунок на обоях. Он осторожно потыкал вилкой мелко нарезанные корешки, изображающие гарнир.

– А после них что бывает?

– Ну, если их неправильно приготовить, то через шесть недель они вступают в реакцию с желудочным соком. Исход – летальный, – сообщил Чиддер. – Ты уж извини. Отмечать так отмечать, вот я и решил заказать все самое дорогое.

– Вижу, вижу, – кивнул Теппик. – Рыба и чипсы для настоящих мужчин.

– А укус здесь есть? – спросил Артур с набитым ртом. – И немного горохового пюре для полного удовольствия.

Зато вино было хорошее. Не какое-то там невероятное, нет. Не знаменитого коллекционного розлива. Зато теперь стало понятно, почему у Теппика весь день болела голова.

Вино было беспохмельное. На первый взгляд, его друг заказал четыре бутылки самого обыкновенного белого вина. Но стоило оно так дорого потому, что виноград, из которого оно было сделано, еще не успели посадить⁸.

Свет в Плоском мире движется медленно, неспешно. Он никуда не торопится. Да и куда торопиться? При скорости света все точки в пространстве равны.

Царь Теппицимон XXVII следил, как золотой диск плывет над Краем мира. Журавлиный клин протянулся в тумане над рекой.

«В чем-чем, а в пренебрежении своими обязанностями меня упрекнуть нельзя», – подумал царь. Никто никогда не объяснял ему, как заставлять солнце всходить, реку – разливаться, пшеницу – расти. Да и кто мог объяснить ему это? В конце концов, это ведь он – бог. Так Теппицимон и жил, отчаянно надеясь, что все в окружающем мире будет происходить само собой. На первый взгляд казалось, что фокус удался. Однако основная беда заключалась в том, что, если все вдруг перестанет происходить, он не сможет ответить, почему так случилось. Его непрестанно посещал один и тот же кошмар: верховный жрец Диос будит его, трясет за плечо – пора вставать, утро, но никакого утра нет, повсюду во дворце горят огни, а разгневанная толпа ропщет под беззвездным небосводом и люди выжидательно глядят на него...

– Извините, – вот и все, что он мог бы им ответить.

⁸ Виноград, из которого делают подобное вино, принадлежит к обратнолетнему классу флоры, произрастающей исключительно на высокогорных волшебных полях. Обычное растение сначала нужно посадить – с обратнолетним все *происходит наоборот*. Хотя обратнолетнее вино вызывает такое же опьянение, как и любое другое, воздействие его молекул на пищеварительную систему дает необычный эффект, смещающий момент похмелья назад во времени, за несколько часов до того, как вино выпито. Отсюда и поговорка: «Хмель хмелем вышибают».

Ужасное зрелище. Ему ясно виделось, как реку затягивает льдом, стволы и листья пальм покрываются вечным инеем, холодный порывистый ветер срывает листья, которые, упав на землю, превращаются в грязное морозное крошево, и птицы, зачехнев на лету, мертвые падают на землю...

Огромная тень набежала на дворец. Царь поднял затуманенные слезами глаза к серому пустому горизонту, гримаса ужаса появилась на лице.

Он встал, отшвырнул одеяло и умоляюще воздел руки к небу. Однако солнце исчезло. Он был богом, это была его работа, его единственное призвание, но он подвел свой народ.

В воображении его раздался грозный ропот толпы, гулкий рев, ритм которого постепенно становился все настойчивее и знакомее, пока наконец Теппицимон не доверился могучим звукам, последовав за ними в простор над соленой синей пустыней, где всегда светит солнце и существа с влажно блестящим оперением описывают в небе причудливые круги.

Фараон привстал на цыпочки, откинул голову назад, расправил крылья – и прыгнул.

Паря в небе, он вдруг с удивлением услышал позади глухой звук удара. Солнце показалось из-за туч.

Позднее фараон с крайним смущением вспоминал об этом происшествии.

Трое новоиспеченных убийц медленно, пошатываясь, брели по улице, едва не падая, но каждый раз в последний момент удерживаясь на ногах, и дружно распевали, что «на волшебном посохе – нехилый набалдашник». Отдельные звуки почти напоминали мелодию.

– ...Большой такой, огромный... – выводил Чиддер. – Черт поberi, на что это я наступил?

– Кто-нибудь знает, куда мы забрели? – спросил Артур.

– Вообще-то... вообще-то мы шли в Гильдию, – откликнулся Теппик, – но только, должно быть, заблудились, потому что впереди река. Чую по запаху.

Осторожность в Артуре возобладала над хмелем.

– Т-т...чно, – он старался говорить отчетливо, – в это время там может быть опасно... Опасные люди...

– Верно, мы и есть опасные, – с явным удовлетворением произнес Чиддер. – Могу показать бумажку. Зачтено и принято. Хотел бы я посмотреть, кто посмеет нас...

– Ага, – согласился Теппик, почти падая на него, – в клочья порвем.

– Ура-а-а!

Неверной походкой троица взошла на Медный мост.

В предрассветных сумерках действительно бродили опасные люди, и как раз сейчас они шли шагах в двадцати позади приятелей.

Сложная сеть преступных Гильдий отнюдь не сделала жизнь в Анк-Морпорке более спокойной, но, по крайней мере, упорядочила все грозившие горожанам опасности, сведя их в строго рациональную, поддающуюся учету и контролю систему. Главные Гильдии блюли в городе порядок, какой и не снился стражникам былых дней, и каждый чересчур своевольный вор-одиночка без лицензии скоро оказывался в надлежащем месте, где подвергался допросу с пристрастием, причем колени ему намертво сколачивали гвоздями⁹. Тем не менее всегда находятся свободолюбивые натуры, которые предпочитают рискованную жизнь вне закона, и пятеро из этого вольнолюбивого племени сейчас подкрадывались к веселому трио, дабы угостить его участников фирменным блюдом этой недели: перерезанная глотка, обобранный труп и похороны по первому разряду в речном иле.

⁹ Когда, в год Обаятельного Ленивца, Гильдия Воров объявила всеобщую забастовку, уровень преступности в городе возрос вдвое.

Как правило, люди сторонятся убийц, инстинктивно чувствуя, что убийство за деньги неумодно богам (которые предпочитают, чтобы убийство совершалось вообще бесплатно) и ведет к гордыне, которая, как известно, еще менее симпатична небожителям. Боги – известные сторонники справедливости (по крайней мере, в том, что касается людей) и всегда вершат ее с таким энтузиазмом, что жители целой округи могут за раз обратиться в соляные столбы.

Однако черные одежды способны испугать не всякого, а в некоторых слоях общества отправить на тот свет убийцу вообще считается особым шиком. Что-то вроде того, чтобы выбить десять из десяти.

Чиддер, заглядевшийся на одного из геральдических деревянных гиппопотамов¹⁰, что стояли цепочкой вдоль обращенной к морю стороны моста, вдруг сильно покачнулся и припал к парпету.

– Похоже, сейчас блевану, – возвестил он.

– Ты не стесняйся, – мгновенно отреагировал Артур. – Река-то на что?

Теппик вздохнул. Он привык к рекам, и ему всегда казалось, что они предназначены исключительно для кувшинок и крокодилов. Анк действовал на него удручающе: стоило опустить туда кувшинку, и она тут же растворилась бы. На всем своем протяжении, от самых Овцепикских гор, Анк питался источниками илистых равнин, и там, где он протекал через Анк-Морпорк (числ. нас. – 1 млн чел.), воду в его берегах можно было назвать жидкостью только потому, что она двигалась чуть быстрее окружающих земель. Так что, если бы вас и вытошнило в реку, прибрежные воды стали бы, пожалуй, только чище.

Теппик взглянул на выющуюся между центральных опор моста чахлую струйку, затем перевел взгляд на пасмурное небо над горизонтом.

– Солнце поднимается, – сообщил он.

– Что-то поднимается, но точно не солнце. Я такого вчера не ел, – слабо пробормотал Чиддер.

Теппик отпрянул: нож со свистом пролетел у него перед носом и по самую рукоятку вонзился в огромный зад ближайшего гиппопотама.

Пять человек выступили из густого тумана. Приятель инстинктивно придвинулись друг к другу.

– Ближе не подходи – пожалеешь, – простонал Чиддер, схватившись обеими руками за живот. – Счет за прачечную сведет тебя с ума!

– Ну и что мы тут имеем? – спросил главарь.

В подобных ситуациях всегда говорится нечто вроде этого.

– Гильдия Воров, если не ошибаюсь? – поинтересовался Артур.

– Ошибаешься, – ответил главарь, – мы – представители непредставительного меньшинства, которое все пытаются оклеветать. Пожалуйста, сдайте нам ценные вещи и оружие. Хотя, как вы понимаете, на конечный исход дела это не повлияет. Просто грабить трупы не очень приятно и совсем неэстетично.

– Можно навалиться на них разом, – предложил Теппик, впрочем, не слишком уверенно.

– Что ты на меня вылупился? – ответил Артур. – Я сейчас свою задницу даже с географической картой не найду.

– Вы действительно пожалеете, если меня стошнит, – предупредил Чиддер.

¹⁰ Одна из двух легенд** об основании Анк-Морпорка повествует о том, что город был основан братьями-сиротами, которых подобрала и вскормила самка гиппопотама (буквально «ориджепл», хотя некоторые историки полагают, что это испорченное «ореджапл» – разновидность стеклянного бара). Восемь геральдических гиппопотамов, развернутых в сторону моря, обрамляют мост. Молва утверждает, что, если городу будет грозить опасность, животные сразу сделают ноги.** Другая легенда, о которой горожане обычно предпочитают умалчивать, рассказывает о том, что в незапамятные времена несколько мудрецов удалось спастись от потопа – кары богов – в огромном ковчеге, куда они прихватили по паре представителей каждой из пород животных, обитавших тогда на Диске. Через несколько недель под грузом помета бесчисленных тварей ковчег осел слишком низко, и мудрецам, как гласит легенда, пришлось вывалить все дерьмо за борт. Это место они называли Анк-Морпорк.

Теппик вспомнил о метательных ножах, спрятанных в рукаве, но тут же подумал, что шансы достать и метнуть их стремятся к нулю.

В такие минуты наилучшим утешением служит религия. Теппик повернулся и взглянул на солнце, медленно выплывающее из-за гряды рассветных облаков.

Посреди солнца виднелось маленькое пятнышко.

Покойный царь Теппицимон XXVII открыл глаза.

– Я летал, – еле слышно шепнул он. – Помню, как упруго несли меня крылья. Но что я делаю здесь?

Он попытался встать. Чувство навалившейся сверху тяжести внезапно отпустило, и он легко, почти без усилий поднялся на ноги. Потом взглянул вниз – посмотреть, в чем дело.

– Ого!

Культура речного царства многое могла поведать о смерти и о том, что случается после. И наоборот, о жизни она мало что могла сказать, рассматривая ее как неуклюжую и обременительную прелюдию к главному событию, как вступление, которое надо преодолеть побыстрее и со всей возможной учтивостью. Одним словом, фараон быстро пришел к выводу, что в данную минуту он мертв. Немалую роль в этом решении сыграл вид его искалеченного тела, валяющегося на песке внизу.

Все вокруг подернулось серой пеленой. Пейзаж выглядел призрачно – так, словно сквозь него можно было пройти. «Разумеется, – подумал Теппицимон, – скорее всего, я это смогу».

Он потерял свои теперь уже потусторонние ладони. Так вот оно. Вот где начинается самое интересное; вот где начало настоящей жизни.

– ДОБРОЕ УТРО, – произнес голос у него за спиной.

Царь обернулся.

– Приветствую, – сказал он. – Ты, наверное...

– СМЕРТЬ, – ответил Смерть.

– А я-то думал, что Смерть является в образе огромного трехглавого скарабея, – удивился царь.

– ЧТО Ж, ТЕПЕРЬ ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЭТО НЕ ТАК, – пожал плечами Смерть.

– А что это у тебя в руке?

– ЭТО? ЭТО КОСА.

– Странная штука, верно? Я думал, у Смерти с собой Цеп Милосердия и Серп Справедливости.

Смерть задумался.

– И ГДЕ ОН ЭТО ТАСКАЕТ? – спросил он наконец.

– Кто таскает?

– МЫ ДО СИХ ПОР ГОВОРИМ ОБ ОГРОМНОМ ЖУКЕ?

– Ах да. В зубах, полагаю. Но мне кажется, что на одной из фресок во дворце у него есть руки, – неуверенно сказал царь. – Действительно, звучит несколько глупо, если кому-нибудь рассказать. Огромный жук, да еще с руками. И с головой ибиса, насколько помнится.

Смерть вздохнул. Он не был творением Времени, и потому прошлое и будущее для него не существовали, однако раньше он пытался представлять в том виде, в каком его желал видеть клиент. Что было весьма обременительно, поскольку клиент, как правило, никогда не знал, чего хочет. И тогда Смерть решил: так как никто заранее не планирует свою, вернее, своего, Смерть, ему вполне можно являться в старом черном балахоне с капюшоном, в таком привычном и удобном, который везде охотно принимают, как кредитную карточку лучшего банка.

– Как бы там ни было, – сказал фараон, – думаю, нам пора.

– КУДА НАПРАВИМСЯ?

– А разве ты не знаешь?

– Я ЗДЕСЬ ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРОСЛЕДИТЬ, УМЕР ЛИ ТЫ В ПОЛОЖЕННЫЙ СРОК. ОСТАЛЬНОЕ ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ.

– Что ж... – царь по привычке поскреб подбородок. – Полагаю, мне придется побыть здесь, пока мои слуги не закончат все приготовления и все прочее. То есть пока меня не мумифицируют. И пока не построят еще одну проклятую пирамиду. Хм. И стоит мне болтаться здесь столько времени?

– ПОЛАГАЮ, ДА.

Смерть щелкнул пальцами. Великолепная белая лошадь, мирно пощипывавшая траву в садовой оранжерее, оторвалась от своего занятия и рысцой подбежала к хозяину.

– Что ж, хорошо. Но, думаю, мне лучше не смотреть. Знаешь, ведь сначала из меня вытащат все внутренности.

Тень беспокойства скользнула по лицу царя. То, что при жизни могло показаться весьма разумным, теперь, когда он умер, вызывало некоторые сомнения.

– Так надо, чтобы сохранить тело и оно могло начать новую жизнь в Загробном мире, – добавил он несколько растерянно. – А еще меня обмотают бинтами. По крайней мере, это не лишено логики.

Теппицимон почесал переносицу:

– Зато потом вместе со мной в пирамиду положат кучу еды и питья. Чудаки, правда?

– А ГДЕ В ЭТО ВРЕМЯ НАХОДЯТСЯ ВНУТРЕННИЕ ОРГАНЫ?

– В соседней комнате, в специальном сосуде. Забавно, не так ли? – сказал царь с сомнением в голосе. – А в папину пирамиду мы засунули преогромную модель колесницы.

Лоб его прорезала глубокая морщина.

– Дерево было прочное, как железо, – сообщил он вполголоса, как бы делясь сам с собой сокровенными воспоминаниями. – И все обшито сусальным золотом. Четыре деревянных вола тянули ее. В конце концов мы завалили вход огромным камнем...

Он попытался думать, и это оказалось на удивление легко. Новые мысли, прохладные, родниково-прозрачные, вереницей текли в голове. Он думал об игре света на скалах, о том, как глубока синь небес, каких бесконечных возможностей полон лежащий вокруг мир. Теперь, когда тело перестало докучать ему беспрестанными просьбами, мир, казалось, сплошь состоит из удивительных сюрпризов, однако, к сожалению, главный сюрприз заключался в том, что все на первый взгляд прочное и надежное было не более надежно и прочно, чем болотные огоньки. Мучительно было и то, что теперь, когда он приготовился в полной мере насладиться мирскими радостями, ему предстояло быть погребенным внутри пирамиды.

Первое, чего вы лишаетесь, умерев, – это ваша жизнь. Второе – ваши иллюзии.

– ВИЖУ, ТЕБЕ ЕСТЬ НАД ЧЕМ ПОРАЗМЫСЛИТЬ, – заметил Смерть, садясь на своего скакуна. – НУ А ТЕПЕРЬ ПРОШУ МЕНЯ ИЗВИНИТЬ...

– Подожди минутку...

– СЛУШАЮ.

– Когда я... упал. Могу поклясться, что перед этим я летал.

– ЕСТЕСТВЕННО. ЭТО ЛЕТАЛА БОЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ТВОЕЙ НАТУРЫ. ТЕПЕРЬ ЖЕ ТЫ СМЕРТЕН С НОГ ДО ГОЛОВЫ.

– Смертен?

– ПОВЕРЬ МНЕ. Я В ЭТИХ ДЕЛАХ РАЗБИРАЮСЬ.

– Послушай, у меня всего несколько вопросов, я хотел только спросить...

– ВОПРОСЫ У ВСЕХ ЕСТЬ. ИЗВИНИ.

Смерть прищипил свою лошадь и скрылся.

Царь стоял не шелохнувшись, глядя, как несколько слуг торопливо приближаются к дворцовой стене и, постепенно замедляя шаг, подходят к его телу.

– С вами все в порядке, о несравненный и ослепительный повелитель солнца? – наконец осмелился спросить один из них.

– Нет, не все! – раздраженно прервал его царь, чувствуя, что некоторые из его основных представлений о вселенной в корне поколебались, а после этого редко кому удастся сохранить хорошее настроение. – Я некоторым образом только что умер. Как это ни смешно, – не без горечи добавил он.

– Слышишь ли ты нас, о божественный вестник утра? – спросил другой слуга, на цыпочках приближаясь к распростертому телу.

– А как ты думаешь, если я только что упал вниз головой с высоты в тысячу футов?! – выкрикнул царь.

– Кажется, он не слышит нас, Яхмет, – сказал первый слуга.

– Послушайте, – произнес Теппицимон, чье стремление высказаться можно было сравнить только с абсолютной неспособностью слуг услышать хотя бы слово из того, что он говорит, – разыщите сына и скажите, чтобы он выбросил из головы все эти пирамиды, пока я сам хорошенько все не обдумаю. Есть несколько взаимоисключающих моментов в том, что касается загробного существования, и...

– Может, крикнуть погромче? – предложил Яхмет.

– Теперь уж кричи не кричи – все одно. Похоже, он умер.

Яхмет взглянул на быстро коченеющее тело.

– Черт побери, – пробормотал он наконец. – Ну и придется теперь попотеть.

Солнце, даже не подозревая о том, что дает прощальное представление, продолжало плавно скользить над Краем Плоского мира. И, словно отделившись от него, двигаясь быстрее, чем любая птица, одинокая чайка описала пологий круг над Анк-Морпорком, над Медным мостом, над восемью застывшими фигурами, одна из которых не сводила с нее глаз...

Для жителей Анк-Морпорка чайки были не в диковинку. Но эта птица, не переставая кружить над застывшими на мосту людьми, издала такой истошно протяжный, гортанный крик, что трое из воров выронили ножи. Ни одно пернатое не могло так кричать. Крик этот надрывал душу.

Описав узкий круг, птица опустилась на ближайшего гиппопотама и, впившись когтями в дерево, взглянула на людей сумасшедшими, налитыми кровью глазами.

Главаря воров, замороженно смотревшего на птицу, вывел из оцепенения мягкий, учтивый голос Артура:

– Вот это метательный нож номер два. Процент попаданий у меня девяносто шесть из ста. Кто из вас хочет лишиться глаза?

Главарь уставился на паренька. Что касается двух других юных убийц, то один по-прежнему пристально смотрел на чайку, второго же, перегнувшегося через парапет, отчаянно тошнило.

– Ты один, – обратился главарь к Артуру. – А нас пятеро.

– Скоро будет четверо, – откликнулся Артур.

Медленным, сомнамбулическим движением Теппик протянул руку к чайке. Будь это обычная чайка, подобная дерзость стоила бы ему по крайней мере пальца, но удивительное создание прыгнуло Теппику на руку с самодовольным видом хозяина, вернувшегося на свою плантацию.

Воры выказывали все растущее беспокойство. Улыбка Артура лишь усугубляла его.

– Какая милая птичка! – поделился своим мнением главарь с напускной беззаботностью человека, которому здорово не по себе.

Теппик с сонным видом продолжал поглаживать птицу по остроклювой голове.

– Думаю, будет лучше, если вы уберетесь подобра-поздорову, – посоветовал Артур, глядя, как чайка беспокойно переминается на запястье Теппика.

Крепко ухватившись за руку перепончатыми лапами, перебирая крыльями, чтобы сохранить равновесие, она могла бы показаться комичной, но в ней чувствовалась скрытая сила, словно в обличье чайки на руке у Теппика сидел орел. Когда она открывала клюв, показывая забавный пурпурный язычок, невольно возникало предположение, что чайки способны не только таскать у зазевавшихся пляжников бутерброды с помидорами.

– Она что, волшебная? – встрял было один из воров, но на него тут же цыкнули.

– Ладно, ладно, мы уходим, – сказал главарь, – извините за недоразумение...

Теппик улыбнулся ему теплой незрячей улыбкой.

И вдруг все услышали негромкий, но достаточно настойчивый звук. Шесть пар глаз отчаянно закрутились по своим орбитам, и только взгляд Чиддера был устремлен куда надо.

Внизу текущие по обезвоженной грязи темные воды Анка стремительно прибывали.

Диос – первый министр и самый верховный из всех верховных жрецов – по природе своей не был религиозным. Непременное качество для верховного жреца помогает вашей беспристрастности, и вы всегда действуете благоразумно и обдуманно. Когда человек начинает верить, все предприятие неизбежно превращается в фарс.

Дело не в том, что Диос был принципиальным противником веры. Вера в богов нужна людям хотя бы потому, что верить в людей слишком трудно. Существование богов – простая необходимость. И Диос готов был мириться с богами, лишь бы они стояли в сторонке и не путались под ногами.

Во всяком случае, благодатью Диоса боги не обошли. Если в ваших генах заложены высокий рост, обширная лысина и нос, которым можно рыть землю, то, скорее всего, у богов имелась на то какая-то своя, скрытая цель.

Диос инстинктивно не доверял людям, которые слишком легко приходили к религии. Он считал, что любой крайне религиозный человек психически неуравновешен, склонен блуждать в пустыне и ловить откровения, если, конечно, боги снисходят до этого. Такие люди никогда ничего не доводят до конца. Им приходят в голову странные мысли о том, что всякие обряды – это ерунда. И еще более странные мысли о том, что с богами можно беседовать напрямую. С несомненной уверенностью, при помощи которой, имея точку опоры, можно перевернуть мир, – именно с этой уверенностью Диос знал, что богам Джелибейби, как и всем прочим, нравятся обряды. В конце концов, боги, выступающие против обрядов, – то же самое, что рыба, голосующая против воды.

Сейчас он сидел на ступенях трона и, положив на колени свой посох, просматривал царские указы. Тот факт, что указы эти никогда никем не издавались, его не пугал. Диос сам не помнил, сколько лет он носит титул верховного жреца, однако прекрасно знал, какие указы может издать разумный, хороший монарх, и сам издавал их.

Как бы то ни было, на престоле сейчас восседал Лик Солнца – вот что было действительно важно. Лик Солнца представлял собой тяжелую, закрывавшую все лицо золотую маску, которую правитель обязан был надевать на все общественные мероприятия. Выражение ее, несколько кошунственное, напоминало выражение лица добродушного человека, страдающего хроническим запором. На протяжении тысячелетий этот лик служил в Джелибейби символом царской власти. Вот почему все цари в стране были на одно лицо.

Последнее тоже крайне символично – хотя никто не мог припомнить, что именно оно символизирует.

В Древнем Царстве такое случалось частенько. Взять хотя бы лежащий у жреца на коленях посох с символическими змеями, символически обвившимися вокруг аллегорического

верблюжьего стрекала. Народ верил, что этот посох дарует верховному жрецу власть над богами и царством мертвых, но, скорей всего, это была метафора или, попросту говоря, ложь.

– Вы препроводили царя в Зал Перехода? – спросил Диос, слегка изменив позу.

– Бальзамировщик Диль обслуживает его сейчас, о Диос, – дружно кивнули выстроившиеся полукругом младшие верховные жрецы.

– Прекрасно. А строителю пирамид уже даны указания?

Уф Куми, верховный жрец Кефина, Двуликого Бога Врат, выступил вперед.

– Я позволил себе лично присутствовать при этом, о Диос, – мягко сказал он.

Диос постучал пальцами по посоху.

– Конечно, конечно. Я и не сомневался, что ты за всем проследишь.

Среди жрецов многие полагали, что именно Куми станет преемником Диоса в случае смерти последнего, однако слоняться без дела в ожидании, пока Диос наконец умрет, было занятием неблагодарным. Сам Диос, будь у него друзья, возможно, по секрету подсказал бы им, что именно могло бы ускорить его кончину, к примеру: явление голубых лун, летающих свиней и видение самого Диоса в преисподней. И еще, пожалуй, добавил бы, что единственная разница между Куми и священным крокодилом состоит в исконной честности и открытости намерений крокодила.

– Прекрасно, – повторил Диос.

– Осмелюсь напомнить вашей светлости? – сказал Куми.

Лица остальных жрецов приняли ничего не выражающее выражение. Диос сверкнул глазами:

– Что, Куми?

– Принц, о Диос. Его известили?

– Нет.

– Тогда как он узнает?

– Узнает, – твердо ответил Диос.

– Но как?

– Я сказал, узнает. А теперь все свободны. Ступайте. Приглядывайте за своими богами!

Жрецы неслышно выскользнули из зала, оставив Диоса сидеть на ступенях перед тронном. Это было его привычное место, и за долгие годы жрец просидел в камне две до блеска отполированные впадины – точно по размеру.

Конечно, принц узнает. Это ясно и в порядке вещей. Но по глубоким, глухим лабиринтам сознания, источенного мыслью за долгие годы свершения бесчисленных обрядов и ревностного служения, бродило легкое беспокойство. Впервые оказалось в незнакомом месте, вот и заплутало. Тревоги, волнения – все это присуще другим людям, но не Диосу. Диос не достиг бы поста верховного жреца, позволяй он себе сомнения. Однако сейчас его продолжала преследовать крохотная, назойливая, юркая мыслишка – тень уверенности в том, что с новым царем придется нелегко.

Ничего. Мальчик скоро научится. Все учатся.

Диос снова изменил позу и нахмурился. Головная боль и ломота в пояснице снова дали о себе знать. Они мешали ему исполнять долг, а долг его был священен.

Надо будет навестить некрополь. Сегодня ночью.

– Он же не в себе. Что, не видишь?

– А в ком он тогда? – спросил Чиддер.

Приятель шлепал по лужам, однако походка их уже не была пьяной, скорее в ней сквозила неуклюжесть, всегда заметная в движениях двух людей, пытающихся вести третьего. Теприк послушно переставлял ноги, но нельзя было сказать, что он это делает сознательно.

Двери на улицу распахивались одна за другой, кто-то клял весь свет на чем свет стоит, с грохотом волокли по лестнице мебель.

– Адская, наверно, была буря в горах, – пробормотал Артур. – Такого потопа даже весной не припомню.

– Может, дать ему понюхать жженных перьев? – предложил Чиддер.

– Хорошо бы повыдергать их у той проклятой чайки, – проворчал Артур.

– Какой чайки?

– Будто ты не видел.

– Ну и что чайка?

– Так ты видел ее или нет? – в темных глазах Артура мелькнула искорка неуверенности. Чайка исчезла в самый разгар событий.

– Я тогда как раз отвлекся, – с некоторой робостью возразил Чиддер. – Наверное, это все из-за тех мятных вафель, которые подавали к кофе. Что-то в них было...

– Настоящая ведьмачка эта чайка, – сказал Артур. – Слушай, давай положим его где-нибудь, я хоть вылью воду из ботинок.

В этот момент они проходили мимо пекарни – за открытой дверью виднелись противни со свежими караваемы, остывающими в утренней прохладе. Друзья аккуратно прислонили Теппика к стене.

– Вид у него будто пыльным мешком огрели, – нахмурился Чиддер. – Его точно не били?

Артур отрицательно покачал головой. Застывшие черты Теппика дышали благородством. Взгляд его был сосредоточен на чем-то лежащем за пределами привычных измерений.

– Надо дотащить его обратно до Гильдии, и пусть его положат в изо...

Внезапно Артур умолк. Сзади послышался странный, шероховатый звук. Караваи тихо покачивались на противнях. Два или три из них беспокойно вертелись на полу, словно перевернутые на спину жуки.

Но вот корка их треснула, как яичная скорлупа, и караваи выбросили сотни зеленых побегов.

Через несколько секунд на противнях всюду колыхалась молодая пшеница, колоски уже набухли и клонились книзу. Чиддер и Артур с каменными лицами игроков в покер, крепко зажав между собой Теппика, преодолели это необычное поле небрежным прогулочным шагом.

– Неужели это все из-за него?

– Мне кажется, что...

Артур прервался, оглянулся посмотреть, не появился ли кто-нибудь из рассерженных пекарей, заметивший столь необычную, пышным цветом расцветшую продукцию, и остановился так резко, что приятели, продолжая двигаться по инерции вперед, едва не свалили его с ног.

Все трое глубокомысленно взирали на оживающую улицу.

– Не каждый день такое увидишь... – сказал наконец Чиддер.

– Ты это о том, что трава растет там, где он ступает?

– Ну да.

Взгляды их встретились. Потом приятели одновременно посмотрели вниз, на то место, где стоял Теппик. Зеленая поросль уже достигла его щиколоток, со скрежетом раздвигая вековые булыжники в своем стремительном, безостановочном росте.

Ни слова не говоря, они схватили Теппика под локти и подняли его.

– В изо... – начал Артур.

– В изолятор, – согласно закончил Чиддер.

Однако друзья уже тогда поняли, что горячими припарками тут не обойтись.

Доктор откинулся в кресле.

– Начистоту и без обиняков, – сказал он, что-то быстро про себя соображая. – Типичный случай *mortis portalis tackulatum* с осложнениями.

– Что это такое? – удивился Чиддер.

– Выражаясь непрофессионально, – хмыкнул доктор, – он мертв, как дверной гвоздь.

– А что за осложнения?

Доктор бросил на него быстрый пронизательный взгляд:

– Во-первых, он еще дышит. Во-вторых, можете убедиться сами, пульс у него бьется, как молот, а температура такая, что, пожалуй, можно жарить яичницу.

Доктор замолчал, усомнившись, не слишком ли начистоту и без обиняков он выражается. Медицина была еще новой наукой на Плоском мире, но медикам уже не нравилось, когда люди понимали их с полуслова.

– Пирацеребральный нервный кулиндром, – сообщил он, подумав.

– Хорошо, и что ты можешь сделать? – спросил Артур.

– Ничего. Он умер. И медицинское обследование это подтвердило. В общем, м-м... похороните его в сухом и прохладном месте и передайте, чтобы зашел ко мне на будущей недельке. Желательно днем.

– Но он ведь дышит!

– Рефлекторная деятельность, которая часто вводит в заблуждение профанов, – с легкостью парировал доктор.

Чиддер вздохнул. Он не без основания полагал, что Гильдия, имеющая непревзойденный опыт по части острых предметов и сложных органических соединений, могла бы с большим успехом поставить диагноз в такой элементарной ситуации. Да, Гильдия тоже занимается убийством людей, но, по крайней мере, не требует от них благодарности.

Теппик открыл глаза.

– Я должен вернуться домой, – сказал он.

– Мертв, говоришь? – спросил Чиддер.

Доктор почувствовал себя уязвленным в своем профессиональном самолюбии.

– Случается, что мертвое тело издает необычные звуки, – промолвил он, отважно принимая вызов, – звуки, которые нервируют родственников и...

Теппик приподнялся и сел.

– Мускульный спазм при окоченении... – начал было доктор, но смешался.

Вдруг его осенило.

– Это редкий загадочный недуг, который встречается сейчас повсеместно, – продолжил он, – и вызван, э-э... такими маленькими-маленькими... которые никак невозможно увидеть, – закончил он с торжествующей улыбкой.

Неплохо сказано. Надо запомнить.

– Большое спасибо, – кивнул Чиддер, открывая дверь и пропуская доктора. – В следующий раз, когда будем себя хорошо чувствовать, непременно к тебе обратимся.

– Вполне вероятно, это хрипп, – убеждал доктор, в то время как Чиддер мягко, но решительно выталкивал его из комнаты. – Подцепил где-нибудь на улице...

Дверь с шумом захлопнулась перед его носом.

– Мне надо вернуться домой, – повторил Теппик, спустив ноги с кровати и обхватив голову руками.

– Зачем? – поинтересовался Артур.

– Не знаю. Но я там нужен.

– Насколько помню, к тебе там не очень-то хорошо относились... – начал было Артур.

Теппик умоляюще замахал на него.

– Послушай, – сказал он, – я не хочу, чтобы кто бы то ни было давил на мои больные места. И не надо говорить, что мне нужен покой. Все это ерунда. Я немедленно возвращаюсь

домой. Понимаешь, дело не в том, что кто-то меня заставляет. Но я должен, и я вернусь. А ты, Чидди, мне поможешь.

– Как?

– У твоего отца есть быстроходное судно, на котором он перевозит контрабанду, – произнес Теппик голосом, не терпящим возражений. – Пускай одолжит его мне, а я ему потом обеспечу режим благоприятствования. Если выедем не позже чем через час, будем на месте как раз вовремя.

– Мой отец – честный коммерсант!

– Ага, а семьдесят процентов прибыли за прошлый год ему принесла беспошлинная торговля следующими товарами... – Взгляд Теппика стал отсутствующим. – Итак: незаконный ввоз гусин и белоокровов – девять процентов. Ночные перевозки...

– Ладно, итого тридцать процентов, – согласился Чиддер, – а это меньше, чем у остальных. По-божески. Честный бизнес. Лучше скажи, откуда тебе это известно. Ну говори...

– Не знаю... – пожал плечами Теппик. – Дело в том, что пока я... спал, я, такое впечатление, узнал все на свете. Все обо всем. Наверное, отец умер.

– Черт возьми. Прости, я не знал.

– Да ничего. Я не о том. Он сам этого хотел. Я даже думаю, он это предвидел. У нас люди начинают жить по-настоящему, только когда умирают. Надеюсь, он живет сейчас полной жизнью.

На самом деле Теппицимон XXVII в этот момент сидел, примостясь на плите в зале подготовительных церемоний, и наблюдал, как его внутренности осторожно изымают из тела и аккуратно раскладывают по специальным сосудам.

Такое не часто увидишь – не говоря уже о том, чтобы проявлять к подобной процедуре искренний интерес.

Фараону было грустно. Хотя он официально уже покинул свое тело, их все же продолжала соединять какая-то тайная связь, а согласитесь, нелегко сохранять веселость при виде того, как двое молодцев по локоть запускают руки в твое нутро.

Тут уж не до шуток. Совсем не смешно быть отданным на растерзание.

– Глядите, учитель Диль, – сказал Джерн, толстенький, краснощекий молодой человек, в котором царь узнал нового ученика бальзамировщика, – глядите... вот здесь, здесь... на легких – ваше имя... Видите? Ваше имя на легких!

– Положи их в кувшин, приятель, – устало ответил Диль. – Когда я занят делом, то предпочитаю не отвлекаться на всякую ерунду. Гадание по внутренностям требует вдумчивого подхода.

– Простите, учитель.

– И передай мне крючок для мозгов номер три, он у тебя под рукой.

– Так и есть, учитель.

– И не дергай меня. Мозги – работа тонкая.

– Это точно.

Царь вытянул шею.

Джерн вновь стал сосредоточенно копаться в своем углу и вдруг тихо присвистнул.

– Вы только посмотрите, какой цвет! – воскликнул он. – Кто бы мог подумать, а? Наверное, ел что-то нехорошее...

– Положи в кувшин, – вздохнул Диль.

– Хорошо, учитель. Учитель?

– Что тебе?

– А где та часть, в которой у него бог?

Диль, стараясь сосредоточиться, скосил глаза на царские ноздри.

– Это вынимают еще до того, как он поступает сюда, – терпеливо объяснил он.

– Вот и я так подумал, – не унимался Джерн, – специального кувшина-то нет.

– Нет, Джерн. Нет, и быть не может. Уж больно странный понадобился бы кувшин.

– Значит, – с некоторым разочарованием в голосе сказал Джерн, – он обычный человек, так выходит?

– В строго материальном смысле, – приглушенно промолвил Диль.

– Моя мама говорит, он был отличный царь. А вы что думаете?

Диль, глядя на кувшин в руке, помедлил с ответом и, похоже, первый раз за всю беседу ответил серьезно:

– Почему-то начинаешь задумываться об этом, только когда человек попадает к тебе в руки. Знаешь, он лучше многих. Чудесные легкие. Чистые почки. Большие лобные пазухи – лично я прежде всего это ценю.

Взглянув на лежащее перед ним тело, он вынес профессиональное суждение:

– Честное слово, приятно работать.

– Мама говорит, сердце у него было на месте, – поделился Джерн.

Уныло притулившись в углу царь мрачно кивнул. Угу, подумал он. Верхняя полка, кувшин номер три.

Вытерев руки тряпкой, Диль шумно выдохнул. Почти тридцать пять лет в похоронном деле не только придали уверенность его рукам, развили философский взгляд на вещи и пробудили серьезный интерес к вегетарианству, но и до крайности обострили слух. Сейчас он мог поклясться, что кто-то справа от него тоже вздохнул.

Царь устремил печальный взор на противоположный конец зала, на подготовительную ванну, полную мутной жидкости.

Забавно. При жизни все это было таким разумным, таким само собой разумеющимся. А теперь, после смерти, – пустая трата сил, не более.

Ему церемония уже прискучила. Между тем Диль с подручным совершили омовение, сожгли несколько палочек благовоний, подняли царя – вернее, его останки, – уважительно перенесли через зал и мягко опустили в маслянистые объятия консерванта.

Теппицимон XXVII бросил быстрый взгляд в мутную глубину, где его тело печально и одиноко лежало на дне, словно последний недоеденный огурец в банке.

Наконец оторвавшись от этого зрелища, он посмотрел на сваленные в углу мешки, полные соломы. Ему не надо было рассказывать, для чего предназначена эта солома.

Нет, лодка вовсе не скользила по глади вод. Она вспарывала воду, танцевала на кончиках двенадцати весел, оставляла за собой лоснистые разводы, парила на волнах, точно птица. Обшивка ее была матово-черной, а очертания корпуса напоминали акулу.

Гребцы действовали так слаженно, что отбивать ритм было лишним. Лодка казалась невесомой, хотя Теппик вез с собой всю экипировку.

Он сидел между рядами безмолвных гребцов в узком проходе, где обычно размещался груз. О том, что это за груз, Теппик предпочитал не думать. Лодка была предназначена для того, чтобы очень быстро перевозить очень небольшие объемы, так, чтобы этого никто не заметил, и Теппик сомневался в том, что даже Гильдии Контрабандистов известно о существовании суденышка. Коммерция оказалась гораздо более интересным делом, чем он думал.

С подозрительной легкостью они вошли в дельту («Сколько раз, – гадал Теппик, – эта свистящая тень скользила вверх по реке?»), и сквозь пропитавшие суденышко экзотические ароматы грузов он различил родные запахи. Запах крокодильего кала. Тростниковой пылицы. Цветущих кувшинок. Запах, производимый отсутствием канализации. Зловонное дыхание львов и смрад гиппопотамов.

Начальник гребцов почтительно похлопал Теппика по плечу и помог перебраться через борт. Теппик ступил в воду, достигающую почти до пояса. Когда же он добрался до берега и обернулся, вдали на реке виднелось лишь размытое пятнышко, которое легко было принять за мираж.

Будучи по природе любопытным, Теппик задумался над тем, где лодка может находиться днем, ведь она явно предназначена для того, чтобы совершать свои плавания исключительно под покровом тьмы. В конце концов юноша счел, что, скорее всего, она стоит притаившись где-нибудь в густых зарослях тростника на болотах дельты.

И так как он теперь стал царем, то про себя решил, что отныне следует организовать регулярное патрулирование болот. Царь обязан быть всегда в курсе.

Погрузившись по щиколотку в речной ил, Теппик вспоминал.

Артур лепетал что-то невнятное о чайках, реке, пшенице, растущей из хлебных буханок, – видимо, просто перебрал. Теппик помнил лишь, что проснулся с ужасным чувством утраты, и память его мало-помалу теряла, не в силах удержать, новообретенные сокровища. Это было нечто вроде тех поразительных озарений, что посещают нас во сне и рассеиваются, стоит нам проснуться. Он узнал все, но, как только попробовал припомнить это самое все, знание вытекло, будто вода из дырявой бадьи.

Однако что-то осталось – новое, доселе неизведанное ощущение. Прежде жизнь его, гонимая обстоятельствами, плыла по течению. Теперь она стремительно неслась по сияющим целеустремленным рельсам. Пусть внутренне ему так и не удалось превратиться в убийцу, зато он понял, что царь из него выйдет неплохой.

Он ступил на твердую землю. Лодка высадила его ниже по течению, недалеко от дворца, и пирамиды на дальнем берегу, синеватые в лунном свете, наполнили ночь знакомым сиянием.

Пристанища счастливой смерти являлись взору, огромные и совсем небольшие, впрочем, строго неизменные по форме. Они сгрудились рядом с городом, как компания мертвецов.

Даже самые старые пирамиды пребывали в целости и сохранности. Никто не украл ни единого камня, чтобы построить дом или проложить дорогу. Теппик почувствовал смутную гордость за свой народ. Никто не сорвал печати с дверей, чтобы побродить по залам в поисках старых сокровищ, которые уже не нужны мертвым. И каждый день в маленьких передних залах неизменно оставалась еда. Душеприказчики покойных занимали значительную часть дворца.

Случалось, еда исчезала, случалось – нет. Жрецы, однако, по этому вопросу придерживались четкой и единодушной позиции. Независимо от того, остаются блюда нетронутыми или нет, мертвый вкусил пищи. Предположительно, еда мертвецам приходилась по вкусу; во всяком случае, они никогда не жаловались.

Забойтесь о мертвых, и мертвые позаботятся о вас, говорили жрецы. В конце концов, усопших на этом свете подавляющее большинство.

Теппик раздвинул тростники, поправил одежду, стер грязь с рукава и направился в сторону дворца.

Перед ним, темнея на фоне отсветов пирамид, стояло огромное изваяние Куфта. Семь тысяч лет назад Куфт вывел свой народ из... Теппик не помнил, откуда именно, но откуда-то, где народу по вполне очевидным причинам очень не хотелось быть; в такие минуты Теппик жалел, что плохо знает историю. Куфт молился в пустыне, и местные боги указали ему, где должно быть расположено Древнее Царство. И он вступил в эти земли и овладел ими, дабы его потомки могли жить там. По крайней мере, что-то вроде того. Конечно, было много маловеров, с одной стороны, и рассказов о молочных реках и кисельных берегах, с другой. Но вид этого патриархального лица, этой вытянутой руки, выщербленного каменного подбородка, величественно торчащих в отсветах пирамид, подсказали Теппику нечто, что он уже и сам знал.

Он вернулся в родной дом и больше никогда его не покинет.

Всходило солнце.

Величайший математик из всех, живущих на Диске, последний из оставшихся в Древнем Царстве, вытянулся в своем стойле и пересчитал соломинки подстилки, на которой лежал. Потом прикинул, сколько гвоздей в стене. Затем потратил несколько минут на доказательство того, что автоморфное резонансное поле состоит из полубесконечного числа неразрешимых исходных идеалов. И наконец, чтобы как-то скоротать время, снова съел свой завтрак.

Книга II

Книга Мертвых

Прошло две недели. Обряды и церемонии, свершаемые в должное время, хранили мир под небесами и не давали звездам сойти с орбит. Поистине удивительно, на что способны обряды и церемонии.

Внимательно оглядев себя в зеркале, новый царь нахмурился.

– Из чего оно сделано, что оно такое мутное? – спросил он.

– Из бронзы, ваше величество. Из полированной бронзы, – пояснил Диос, передавая царю Цеп Милосердия.

– В Анк-Морпорке у нас были стеклянные, посеребренные сзади. Отличные зеркала.

– Да, ваше величество. А у нас бронзовые, ваше величество.

– Неужели мне и вправду придется надевать эту золотую маску?

– Лик Солнца, ваше величество. Она передается из столетия в столетие. Да, на все общественные мероприятия, ваше величество.

Теппик посмотрел в отверстия для глаз. Красивое лицо. На губах – слабая улыбка. Ему вспомнилось, как однажды отец, перед тем как зайти в детскую, забыл снять Лик Солнца. На крики Теппика сбежался весь дворец.

– Тяжелая.

– Это груз столетий, – ответил Диос, протягивая царю обсидиановый Серп Справедливости.

– И давно ты жрец, Диос?

– Давно, ваше величество. До того как стал евнухом и после. А теперь...

– Отец говорил, ты был верховным жрецом еще при дедушке. Сколько же тебе лет?

– Много, ваше величество. Просто хорошо сохранился. Боги добры ко мне, – ответил Диос, смиряясь перед неоспоримым фактом. – А теперь, ваше величество, не могли бы вы взять еще и это...

– Что это?

– Соты Преуспевания, ваше величество. Очень важный символ.

Теппик исхитрился пристроить и соты.

– Наверное, ты видел много перемен, – сказал он вежливо.

Лицо старого жреца исказилось болью, но только на мгновение – он слишком спешил.

– Нет, ваше величество, – мягко промолвил он. – Судьба была благосклонна ко мне.

– О, а это что?

– Сноп Изобилия, ваше величество. Исключительно важно, крайне символично.

– Если можешь, запихни его мне под мышку... Диос, ты когда-нибудь слышал о канализации?

Жрец щелкнул пальцами, подзывая одного из слуг.

– Нет, ваше величество, – покачал головой он, наклоняясь к царю. – А вот это Змея Мудрости. Я подложу ее сюда, хорошо?

– Похожа на ночной горшок. Только тот не так... пахнет.

– Запах, ваше величество, предохраняет от сглаза, такова народная мудрость. А это, ваше величество, Тыквенная Бутылка для Небесных Вод. Подбородок чуть-чуть выше, пожалуйста...

– И все это совершенно необходимо? – спросил Теппик придушенно.

– Такова традиция, ваше величество. Давайте немножко подправим, вот так... а теперь Трезубец Вод Земных. Возьмите вот этим пальчиком. Надо будет подумать о нашей свадьбе, ваше величество.

– Мне кажется, мы не очень подходим друг другу, Диос.

На губах верховного жреца мелькнула усмешка.

– Извольте шутить, ваше величество, – склонился он почтительно. – Вы обязательно должны жениться, это совершенно необходимо.

– Боюсь, все мои увлечения остались в Анк-Морпорке, – небрежно произнес Теппик, сам прекрасно понимая, что за этим многозначительным высказыванием кроются только госпожа Воротничокк, которая в шестом классе стелила ему постель, и молодая служанка, чистившая ему ботинки и не скупившаяся на подливку в столовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.